

Н.В. ЗАХАРОВ

СМУТНЫЕ ВРЕМЕНА

КНИГА ШЕСТАЯ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Николай Захаров
Смутные времена. Книга 6

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Захаров Н.

Смутные времена. Книга 6 / Н. Захаров — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Как это не прискорбно осознавать, но вся История России - Смутные времена. Из тьмы веков и до дня нынешнего. Все совпадения имен персонажей с реально жившими и живущими людьми, совершенно случайны. Продолжение Жуликов и Авантюристов. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Глава 1

– Спровадил?– Сергей подливал чай в кружки "мазурикам".– Ешьте, хлопцы, какой-никакой праздник у вас сегодня.

– Спровадил,– улыбнулся Михаил.– Лейтенант попался покладистый, даже стрелять не стал. Оперативно прибыли. Минут десять всего прошло.

– Да их теперь на каждом углу,– просипел с набитым ртом Кот. Тарелки с бутербродами заметно опустели.

– Работать мешают?– посочувствовал ему Сергей.– Что там у них, Миш, в плюсе на сегодняшний день?

– Да не особенно жирно. В солдатский сидор все ценности уместились. Меха, правда, были ничего себе, но их они уже скинули барыге Хрюкину. Он совмещает приятное с полезным. А в сберкассе только время зря потратили. Не выспались, адреналина на год вперед и мужику-сторожу черепаху считай, не за понюшку табака проломил. В сейфах в обоих едва тысячу наскребли фантиков. Золотишко, правда, заныкали на чердаке, в углу за печкой, в банке из-под леденцов. Там тысяч на десять пожалуй, но тоже все больше новодел – цепочки, колечки, пару сережек с изумрудами дешевыми. Год прожить можно вполне сносно, если реализовать. Только заметут ведь в момент, так что пока складывают в банку. Если так же интенсивно продолжили бы, то глядишь к октябрьским и набили бы доверху. А сегодня на катран собирались завалиться. Есть тут "хаза", барыга один рискнул под самым носом у НКВД на Лубянке. Правда, там через одного стучат, как дятлы в то же управление, а почему их не взяли до сих пор не знаю. Наверное, придерживают пока, к празднику. Ешь, ешь, Кот. Я за слова свои отвечаю. Ты думаешь, что на "катране" можно банк сорвать? Дурилка ты картонная. Там такая система слежения, что все твои тузы в рукаве заранее уже засвечены. Ты вспомни сколько раз оттуда без штанов сваливал?

– Свистишь?– не поверил все же Кот, переставший жевать.

– Это, капитан тут свистит, а я тебе как есть толкую. Ты ведь себя лихим каталой считаешь и "библию" листаешь с сопливых рук. Хочешь, докажу тебе, что лох ты и фраер в любой игре?

– На интерес, начальник?– оживился Кот.– В очко.

– Против твоих ставлю два к одному,– усмехнулся Михаил.

– Что? На мой рваный рупь, своих два пришлешь?– не поверил и переспросил Кот.

– Ну да,– кивнул Михаил.

– А на хрена мне твои два? Все равно на нары с вывернутыми карманами отправишь,– спохватился Кот.– Хитрый ты, начальник. Я бы на твоём месте и рупь за десять вмазал.

– Сможешь обставить, отпущу с баблом. Чтоб я сдох. И шпалеры верну, полные маслин,– Михаил сел напротив Кота.

– Отпустишь?– Кот смотрел по-прежнему с недоверием.

– Уйдете оба. Винт, смотайся за кубышкой на чердак. Маза вам поперла. Вон у Котяры уже лапы затряслись от предвкушения. По легкому бабла нарубить не терпится.

– Одного за "рыжьем" отпускаешь?– Кот ошалело завертел головой.

– Боишься, что свалит? Не бойсь, Семен Семеныч. Ему пади тоже интересно взглянуть как ты будешь листы загибать. И на нарах париться потом не так тошно. Будет, что на уши сидельцам лепить.

– У меня тридцать косарей, начальник. Покажи свои бабки. Я под пустой базар не подписываюсь,– Кот упрямо сжал губы и прижал квадратный подбородок к груди.

– Имеешь право,– согласился Михаил и нашлепал на стол из полевой сумки шесть новеньких пачек сотенными купюрами.– Винт, одна нога здесь, другая за трубой на чердаке,– скомандовал он сидящему в прострации медвежатнику.

– Там решетка, как в тюряге, хрен проشمыгнешь. И замок пудовый навесили. Когда успели только. Еще вчера все нараспашку было. А сегодня из арматурин сито,– буркнул тот, все же поднимаясь.

– Держи ключ,– Михаил брякнул по столу огромным ключом.– Не забудь запереть, когда обратно пойдешь. Шевелись, игру тормозишь,– подогнал он Винта и тот, схватив ключище, выскочил из комнаты. Вернулся через пять минут с банкой из под леденцов и вывалил содержимое на скатерть. Цепочки, колечки и сережки, упали на стол компактной, не солидной кучкой и Михаил сморщился, ткнув в золото пальцем:

– И стоило под пули лезть из-за этого? Сколько ставим на банк?

– Косарь,– Кот облизнулся и полез в карман за колодой. Достал ее, завернутую в обрывок газеты и лихо шлепнул затертыми картами по столу.– Поехали, начальник.

– На помойке что ли нашел?– Михаил брезгливо поворошил пальцем колоду и достал из планшета нераспечатанную упаковку.– Держи, презентую.

– Солидно,– Кот вскрыл колоду и, вытряхнув ее в ладонь, принялся шустро тасовать с треском и с лихостью опытного каталы. Продемонстрировав несколько трюков он с самодовольной улыбкой швырнул тысячу рублей на стол и разбросал карты на старшую. Банкиром подфартило быть ему и карты замелькали в его руках. Перетасовав, он положил колоду на стол.

– Снимай, начальник,– Михаил сдвинул карты.

– Эх, не очко меня сгубило, а к одиннадцати туз,– выдал слоган Кот, раздавая карты. Чувствовался многолетний опыт и навык в обращении с колодой. Михаил сдвинул к себе свою карту и попросил подряд еще четыре, и опять не глядя.

– Смотреть не будешь, начальник? Два раза зарыл уже,– Кот приготовил очередную карту.– Еще?

– Давай,– Михаил открыл шестую карту, и ей оказалась семерка.– Двадцать один – очко.

– Где?– Кот схватил оставшиеся пять и перевернул.– Два вальта, две дамы и король – четырнадцать. Глянь-ка, пруха тебе поперла, начальник,– скривился он, передавая колоду Михаилу.

– Как сказал Жиглов, кому повезет у того петух снесет,– улыбнулся Михаил, тасуя карты.

А дальше "пруха" продолжала переть исключительно только в его сторону и Кот наливался злым азартом, идя постоянно "ва банк". На седьмой раздаче, когда в банке оказалось тридцать две тысячи, он взопревший от волнения, наконец-то получил к десятке в прикупе еще одну и пробормотав:

– Хватит. Себе,– замер, уставившись на руки Михаила. Открытые шестерка и семерка дали в сумме тринадцать и Кот ошерился, ожидая последнюю карту. Открывшаяся девятка, дававшая перебор, заставила его подпрыгнуть и заорать.– Мое-е-е-е, сливай, начальник!!!

– Что твое? Тысяча? Без проблем,– улыбнулся Михаил.– Выиграл. Молодец. Вернул свои.

– Кончилась пруха. Сейчас я покажу тебе, как нужно играть,– хорохорился Кот, сгребая к себе чуть не проигранные все свои "трудовые" накопления и хватаясь за колоду. Однако очередное очко собранное Михаилом, опять заставило его помрачнеть и он буквально впился глазами в его руки, тасующие карты. Последовавшая серия из "ва банков", снова "трудовые" сбережения двух "мазуриков" переместила на банк и опять на седьмой раздаче у Кота пришли две десятки, однажды уже спасшие его от проигрыша.

– Ну,– выдохнул он, хлопнув ладонью по столу.– Себе. Вылетевшие два туза из-под рук Михаила и сделавшие его нищим в одну секунду, буквально огорошили Кота и он с проклятием швырнул две десятки на стол.

– Два лба,– Михаил припечатал колоду рядом с парой тузов.– С тебя, еще тридцать два куска. В долг я не играю. Рыжье и так по завышенной цене проканалю. А последняя раздача вообще на голом понте. Ставить-то тебе нечего было, друг ситный.

– Стучишь?– вскинулся Кот.

– Я и на прошлой раздаче мог стукнуть, а теперь чем ответишь?– усмехнулся Михаил.– Кроме наганов ржавых, других ценностей что-то я при вас не вижу.

– Заначка у меня есть,– Кот вскочил со стула и тот взвизгнул ему в унисон.– В Смоленске заныкал. На черный день.

– Здорова, приехали. В Берлине у тебя часом нет заначек? Немец в Смоленске с лета уже. Забыл? Сейчас побежишь?

– Я место скажу, а ты потом возьмешь. Век воли не видать. Там на сто косых барахла. Лавку мы там удачно взяли перед самой войной, только когти рвать пришлось срочно, ну и прикопали "рыжье". Подельника потом менты угрохали, так что мое все теперь. На кладбище городском. Могилку я нарисую, как найти.

– Заманчиво,– Михаил подмигнул Коту.– Остается суший пустячок. Через линию фронта махнуть в темпе вальса и клад твой откопать из могилки.

– А что? Стук ты не объявлял. Я в своем праве. Цапки на месте, зуб даю. За шестьдесят четыре косых, сто катят даже за линией фронта,– Кот огляделся по сторонам, ища сочувствие у зрителей. Сочувствие встретил в глазах Винта и попер "качать права" дальше.– Не жлобись, начальник. По понятиям давай.

– Хорошо, рисуй могилку,– Михаил сунул Коту карандаш, лист бумаги и тот принялся рисовать Смоленское городское кладбище, высунув от усердия язык. Прикрыв рисунок рукой, он что-то накарябал под ним и аккуратно сложив лист вчетверо, положил на банк.

– Банкуй, начальник. На все.

– Рисковый парниша?– Михаил перетасовал карты, раздал и открыл свою.– Шоха.

– А ты фартовый, начальник, но не в этот раз. Зря светишь шестеру,– Кот взглянул на свою и расплылся в улыбке.– Еще одну,– получив вторую, прихлопнул ее ладонью и медленно потянул к краю стола. Дотянул и подковырнул ногтем за угол. Коту явно везло сегодня на двадцатки и он сложив вместе туза и девятку, кивнул Михаилу.– Себе.

Вылетевшие одна за другой семерка и восьмерка, опять в сумме давшие двадцать одно, улыбку победную превратили в гримасу и Кот завопил, опять вскакивая со скрипучего стула: – Не чисто тут что-то. Лажу гонишь, начальник!

– Но, но. Фильтруй базар, ханурик дешевый. Ты меня за клешню поймал? Сядь и засохни,– Михаил подцепил лист с координатами и развернул его. Молча ознакомился и взглянул на замершего с бледным лицом Кота.– Поверю, хрен с тобой, что лапшу на уши не вешаешь. Если кидалово, то под землей найду, выкопаю и обратно зарую,– пообещал он.

– Ну, начальник, ну ты...– Кот упал на стул и обхватил бритую голову руками.

– Все слил, Котяра?– вежливо полюбопытствовал Винт.– Мою долю тоже?– Кот в ответ только мрачно взглянул на него и махнул рукой "отвали", мол.

– Что машешь? Что ты машешь, сучара? Распишу, козлина,– заводился Винт.

– Эй, Винтяра, ты что не согласен с конечным результатом?– удивился Михаил.– Чего ж молчал, как рыба об лед?

– Откуда я знал, что он гад, так обхезается в пять секунд,– Винт, медленно начал красться в сторону бывшего теперь дружка, так нагло и главное быстро спустивший все их общие "грузовые" накопления.

– Угомонись, Винт,– остановил его Михаил.– Хочешь, забьемся на все это бабло, что ты у меня из десяти раздач ни одной не срубишь? Вместе с кладбищенскими сокровищами,– Михаил швырнул лист с планом, на кучку золота.

– А я что ставлю?– замер Винт.

– А ты на неделю в мое распоряжение поступаешь. Родом ты, если не ошибаюсь, из Можайска?

– Рядом. Собольки деревня называется,– Винт поскреб за ухом, прикидывая стоит ли подписываться и рисковать свободой.– А чего там вам надо в Можайске?

– Собольки? Далеко от Можайска?

– Пять верст примерно,– Винт сел на стул и потер ладони.– Давай, начальник. Отбатрачу, коль не обломится. Кто не рискует, тот тля навозная.

– Окрестности хорошо знаешь?– Михаил собрал расползшуюся колоду.

– У Соболков? Знаю. Че там знать? Все исхожено. Родился и пол жизни там проторчал, пока не замели. У меня батя в лесниках еще с тогдашних, царских времен служил. Сейчас-то на печи сидит. Ну и я с ним мотался по уделу.

– Проводником, значит, к нам в группу пойдешь. Чего дернулся?

– Чего мне дергаться? Как скажешь, начальник. Только ты сперва выиграй, потом запрягай. И в клифт я ваш не полезу.

– Хорошо, выдадим общевойсковую,– Михаил шлепнул колоду перед Винтом.– Тяни, шестеру,– Винт сдвинул послушно и вытащил бубновую шестерку. Михаил вынул, не глядя туза пикового и перетасовав, раздал. За десять следующих раздач он выбрасывал себе по два туза и Винт с каждым разом мрачнел все больше и больше, наливаясь угрюмостью. И когда в последний раз Михаил опять выложил на стол бубнового и пикового тузов, то чуть не прокусил до крови губу с досады, буркнув:

– Как это ты, начальник, делаешь? Научи, по гроб обязан буду и в поминание запишу.

– Обойдусь. Фокус простой. Отбатрачишь, тогда может и покажу, если вести себя будешь правильно,– пообещал Михаил.

– Смотри, начальник. Я готов хоть сейчас в Можайск валить,– Винт, вскочил со стула.

– Не суетись, Трофим Иванович. Мое слово верное. Ты мне – я тебе.

– А мне куда?– напомнил о себе Кот.– Можно я с вами прошвырнусь?

– Ты что тоже из Можайска?

– Не-е-е-т. Я из Смоленска. Так там рядом. Верст сто по прямой. Линия фронта пляшет. Проскочим, может?

– Ишь ты. Мне-то ты там зачем? План у меня подробный. Вон даже глубина есть. Молодцы, на целый метр врылись.

– Я это...– замаялся Кот.– Тоже фокус этот узнать хочу. Возьми начальник. Хрен с ним, с баблом. Как пришло, так ушло. А такое я первый раз в жизни вижу. Десять раз по два лба – это на зоне в королях, а на воле тем более. Или это колода замостыренная?

– Это мозги замостыренные,– Михаил взял колоду и, перетасовав, спросил: – Какую достать?– Кот задумался на пару секунд и брякнул: – Двойку трефь.

– На,– Михаил стряхнул ему верхнюю. Кот уставился на лежащую перед ним крестовую двойку и промямлил.

– Пошутил я, начальник. Откуда двойка? Там ее быть вообще не должно.

– Вообще-то не должно, но когда меня так убедительно просят, то я что хошь могу вынуть,– Михаил протянул колоду Винту.– Тяни четыре карты,– Винт вытащил, стараясь делать это из разных мест.

– Четырех тузов выдернул,– подмигнул ему Михаил.– Рука видать счастливая у тебя, Трофим Иванович.

Винт медленно перевернул карты и захлопал ресницами.

– Ну, начальник. Слов нет. Как с довольствием у вас?

– Нормально, не зажируешь, но и ноги не протянешь,– заверил его Михаил.

– Я готов. Котяру берете?

– А ты как считаешь? Нужен он нам? Или без него обойдемся.

– Мне до фени, – пожал плечами Винт. – Сойдет, ежели что – за выючное. Принести, отнести.

– Не запахло?

– А че? Мы не при коронах. Можем и в завязку уйти.

– Хрен с тобой, Котяра, возьмем. Но без подляны чтобы. Увижу, что неуправляем, получишь расчет.

– Век воли не видать, начальник, – обрадовался Кот. – С вами хоть на фронт, фрицев мочить.

Переодетые в красноармейскую форму Котов и Викентьев, потеряв частично индивидуальность, ухмылялись, рассматривая друг друга. А когда им вручили по автомату ППШ-а еще в заводской смазке, растерянно на них уставились.

– Пользоваться умеете? – Петр Павлович, занимающийся экипировкой "мазуриков", в течение минуты показал им, как разбирать и собирать пистолет-пулемет Шпагина. Свежеиспеченные "бойцы" оказались вполне сообразительными и "врубились" с первого раза, зашелкав затворами и спуская курки.

– Солидная машинка, – Винт вытащил из шкафа простыню и, разорвав ее пополам, принялся протирать металлические части от смазки. Кот к нему тут же присоединился, довольно улыбаясь. Выписанные Сергеем красноармейские книжки, восприняли уже как само собой разумеющееся, взглянув на свои фамилии и поставив личные подписи химическим карандашом, спрятали их в карманы гимнастерок.

– Задание номер один, бойцы. Мотайте в столовку и тащите сюда Хрюкина. Побазарить нам с ним нужно срочно, – Михаил пил кофе и оба уголовника, взглянув на него, продолжили оттирать оружие от смазки, полагая, что спешить не нужно.

– Встать! Смирно! – рявкнул над их головами Петр Павлович и у обоих сработал инстинкт служивый, дремавший где-то в подкорке. Оба вскочили и вытянулись. – Напра-во. Бегом, марш! – продолжил Петр Павлович и "мазурики" выскочили из квартиры, гремя каблуками.

– Вполне справные бойцы получились из мокрушников, – Силиверстович подошел к окну и выглянул на улицу. – Уже волокут этого Хрюкина. Вместе с Хрюкиной.

– Ее-то зачем? – поморщился Петр Павлович. – Выть сейчас начнет. Воя тут бабьего нам только и не хватает, – а супруги Хрюкины уже влетали в комнату, получив ускорение оба коленями под зад и прикладами промеж лопаток.

Выдернули их прямо с рабочих мест и выглядели оба соответствующим образом. Хрюкина в поварском колпаке, расползшемся блином по голове и в белом же халате, а Хрюкин в военном френче без петлиц и в нарукавниках. Видать выручку подсчитывал, когда за ним пришли. Оба тряслись, лязгая зубами и увидев сразу четырех офицеров НКВД, упали на колени.

– Все как есть расскажу, товарищчи, – запричитал Хрюкин. – С повинной еще вчера сам собирался, да вот не поспел. Верьте мне, граждане товарищчи. Как на духу, вот супружница моя – Маня... знат.

– Что "знат" Маня? – оборвал его Михаил. – Как ты Родину немцам продал?

– Ни боже ж мой. Не продавал. Христом Богом. Государство обманул, ворованное скупал, Родину ни боже мой, – стоящий на коленях Хрюкин – мужчина на вид лет сорока, склонил плешивую голову, уставившись покаянно в пол.

– Это мы знаем. Сынок ваш где, гражданин Хрюкин?

– В армии сынуля, товарищчч. Уже два месяца, как призвали. Он не при делах. Мы ему ни че тако... Служит Родине. Как позвала, так и побегал в военкомат. Нынче с утра забегал на минутку. На фронт Артюшу отправляют. Попрощаться, стал быть, отпустили. Обнял родителей, всплакнул геройски, да и побег. Пади уже в атаку комиссар поднимает, – пригорюнился Хрюков, а Хрюкова рядом с ним запричитала:

– Кровинушка наша-а-а-а!

– Заткни Маню, Макарка,– приказал Михаил и Маня, получив тычок локтем от супруга в толстый бок, икнула испуганно и притихла.

– Номер части?– продолжил Михаил допрос и Хрюкин полез в карман френча. Достав лист бумаги, он развернул его и назвал номер полевой почты.

– Хрюкин Артур Макарович. Проверим. А что нам с вами делать, господа хорошие? Сдать в ментовскую, пусть крутят, вертят? Мы скупщиками краденого не занимаемся. Товарищ капитан, вызовите наряд,– Сергей козырнул и выскочил из комнаты. Вернулся он через пять минут с двумя бойцами ОМСБОНА. Передав им задержанных и папку с чистосердечным признанием Хрюкина, Михаил приказал бойцам отконвоировать бывших работников Общепита в ближайшее отделение милиции.

– Повезло вам ханурики, что Москва пока не на военном положении. Через неделю только вождь введет указом. Оформят по статьям мирного времени, плюс явка с повинной. Глядишь и мимо стенки проскользнете. Привет Сибири,– напутствовал Хрюкиных на прощанье Михаил и супругов вороватых увели.

– У Артюши артефакт и движется вместе с ним в сторону фронта,– Михаил оглядел соратников.– В Москве нам делать больше нечего. И всем переться на фронт вроде бы тоже ни к чему. Экскурсия закончена. Танковые группы немецкие сейчас получают минимальное подкрепление, перегруппируются и поползут к Можайску. Нам туда же. От Можайска до Утиц верст десять.

– Интересно, кто немцев остановит? Фронта же нет. Можайское шоссе возможно, что и перекрыто заслонами, но это все на что сейчас способна Ставка. Через два дня по идее немцы ворвутся в город,– Петр Павлович вздохнул тяжело.

– Погода не летная, очень густая облачность, туманы и это на руку отступающим. Вернее – бегущим. Я думал над этим. Может нашу пару танков задействовать под Можайском?– предложил Михаил.

– А что делать? Руководство в панике. Засранца Жукова Сталин в Москву вызвал. Сдаст он Москву вместе с вождем. Насвистит ему, что Москва выстоит, тот поверит и все... звиздец русской государственности. Правительство в Куйбышеве, подпишет что угодно с немцами. Мир позорный похлеще Брестского получим. По Урал немцы, остальное японцы приберут к рукам. Самураи сидят и ждут, когда Гитлер Москву возьмет. Как только бои начнутся уличные, они нападут. А там граница голая. Все сюда ползет. Там уже все бросили, здесь еще не появились. Недельку бы другую сейчас продержаться под Можайском и все тогда сложится, как надо. Пошли под Можайск. С уголовниками, что делать будем?– Петр Павлович кивнул в сторону Винта и Кота, очищающих у окна автоматы.

– Я с ними в Утицы прошвырнусь, а вы за танками давайте,– Михаил взглянул в сторону "мазуриков".– Проведу воспитательную работу.

– Уверен, что справишься?– нахмурился Петр Павлович.

– Найду объект, свяжусь. Тогда решим как быть. А пока не вижу смысла бродить там всем.

– Ладно. Будем посматривать на пеленг. Если что, то все к тебе,– Петр Павлович поднялся.– Тогда мы пошли. Время терять нельзя. Минут через десять перекроем шоссе.

Глава 2

Десятого же октября 1941-го года в окрестностях деревушки Акиньшино в двадцати верстах западнее Можайска из леса выползли два танка, раскрашенные в зелено-серые пятна и заняли рубеж на пересечении железнодорожного полотна и Можайского шоссе. Мост железнодорожный уже был взорван и искореженные его конструкции в одном месте спешно растащили в стороны, чтобы позволить проходить технике в обоих направлениях. Но в основном движение осуществлялось в пешем порядке и на гужевом транспорте. Хотя мелькали и полоторки. Зенитное орудие с расчетом, забытое начальством, сидело на пустых ящиках из-под снарядов и давилось сухим пайком, мрачно наблюдая за проходящими мимо людьми. Моросил дождь и красноармейцы, подняв воротники, зябко ежились, натянув на уши пилотки и буденовки. Позиция зенитчиков, обложенная мешками с песком и взвод пехоты – это все что увидели здесь танкисты, заглушив движки. Небо в рваных клочках облаков, сеяло мелкий дождь и шоссе, заполненное людьми и лошадьми, плыло в сторону Можайска, едва волоча ноги. Серые, изможденные лица, раненых на госпитальных подводах, серые лица солдат, шагающих в неизвестность и серые, угрюмые лица беженцев, волокущих чемоданы и узлы на плечах. Гнали скот и голодные животные, мычали, пытаясь сойти с шоссе и схватить голодным ртом клочок высохшей травы, но им не позволяли это делать и щелчки кнутов, раздавались как выстрелы по всему периметру. Стадо дергалось, получая обжигающие бока удары и устремлялось дальше, раздвигая мордами, плетущихся беженцев и те неохотно отступали на обочину, пропуская животных. Рев стоял над этим потоком такой, что не было слышно ничего в двух шагах. На западе гремело и звук близкого фронта, подгонял людей, заставляя их поминутно оглядываться назад, и вся эта бредущая на северо-восток масса людей, уставшая, промокшая, голодная и не выспавшаяся, воспаленными глазами, испуганно посматривала на небо. На просветы в облаках, которые становились шире на востоке и пугали не меньше, чем далекие разрывы снарядов.

– Возду-у-у-ух,– закричали несколько человек одновременно и над шоссе пронеслись три немецких мессершмидта, вывалившихся в пике с воем из-за низко плывущих облаков. Бросившиеся врассыпную люди и животные мгновенно очистили дорогу и немецкие асы, сделав разворот, прошли еще раз, не стреляя и не бомбя, наводя панику на всем видимом отрезке Можайского шоссе. Зенитчики, попадавшие за мешки с песком, что-то орали друг другу, размахивая руками. Боекомплект у них закончился еще вчера. В траншее, рядом с зенитной батареей, какой-то пехотинец палил по мессерам из винтовки, торопливо перезаряжая ее. Немецкие летчики явно наслаждались той паникой, которую учиняли одним только своим появлением и, развернувшись на третий заход, начали выбирать цели. Два танка, замершие у взорванного моста, рывкнули оба сразу короткими пулеметными очередями и все три самолета, разлетелись ошметками металлическими, просыпавшись на головы бегущих в панике людей. Рванувшие почти одновременно топливные баки, громыхнули так, что даже коровы присели на четвереньки, а люди попадали и вжались в землю. Обломки загремели по раздолбанному шоссе к полотну и кто-то заорал заполосным голосом.

– Санитара-а-а-а!!!– по-видимому, кому-то не повезло, рухнуло что-то сверху неудачно.

– Вот ведь гниды,– Силиверстович развернул башню танка и вывел на дисплей окрестности.– Без боезапаса ведь возвращались. Что за козлиные манеры у этих фрицев?

– Нормальные фашисты,– Сергей открыл люк механика-водителя и закурил сигарету. Появившийся перед ним лейтенантик-зенитчик в новенькой шинели, козырнул и расплылся в восхищенной улыбке:

– Здравия желаю, товарищ танкист. Ну, вы врезали. Двумя очередями три самолета. Что за пулемет у вас, братцы?

– ЗП-41,– брякнул Сергей не задумываясь.– Опытный образец.

– Эх, у нас, что не возьми, все "опытное". А мы вчера еще все сожгли и сидим теперь как эти... – лейтенант посмурил, и на его мальчишеском лице, чумазом с воспаленными глазами, появилась обреченность.

– А чего же смекалку не проявишь, литер? – Сергей улыбнулся лейтенанту. – Тебя как звать-то?

– Лейтенант Зверев Федор, товарищ капитан, – лейтенантик разглядел наконец-то кубари на гимнастерке Сергея.

– Давай проще, Федь? Меня можешь Серегой звать, когда мы одни. Значит так, слушай идею. Видишь поток? Видишь. Кто прет? Кто попало. Ставь рогатку. И всех в форме, двигающихся в сторону Можайска, тормози. Пропускай только в сторону фронта беспрепятственно, а в тыл гражданских и раненных. Остальных на обочину и строй в коробки ротные. Сколько у тебя человек? Десять? Всех задействуй. Из тех, кого остановишь, выявляй офицеров, и пусть набирают роты. Со стороны Можайска тормози автотранспорт с грузом. Нехрен гнать груз к немцам. Они там их встречают и ржут над нами уже вторые сутки. Котел под Вязьмой. Немцы пока им скованы, поэтому и не прут сюда. А вот те, кто шлепает с той стороны – это вышедшие из окружения. Их если не остановить, то они до самой Москвы добегут, мародерствуя по дороге.

– Товарищ капитан... Серега, я же лейтенант, а там вон, смотри, майоры, полковники идут. Пошлют на хрен и все.

– Ну, ты, Федя, даешь. Все эти майоры и полковники сейчас такие же рядовые – вне службы. А ты при исполнении. Разницу чувствуешь? Ну, это как в патруле. Приходилось бывать? Ну и как? Если скажем ты видел что майор или полковник нарушал форму одежды или вел себя неподобающим образом, то, что мимо проходил? Он ведь старше по званию и мог тебя на хрен послать, или нет?

– Так то в патруле, – лейтенантик сдвинул фуражку "сталинку" на затылок и поскреб лоб.

– А здесь и того круче. Они бегут, ты стоишь. Значит, имеешь право. А кто будет вякать, того к стенке. Документы у всех проверяй. Погоди, я тебе сейчас помогу. Организую, а потом все покатит по наезженной. Майорам этим говори, что выполняешь личный приказ командующего фронтом. Кто сейчас у нас тут главный? Жуков? Загони его именем под лавку. И побольше наглости во взгляде. Народ наш это обожает, – Сергей выпрыгнул из люка и принялся распоряжаться. Привлек не только зенитчиков, но и взвод пехоты. Пехотинцами командовал старшина и возражать не стал, особенно узнав, что разрешено слегка помародерничать. Работа закипела, и через полчаса у моста уже стоял блокпост, работающий четко и организованно. Для прохода и проезда беженцев оставили не перегороженную часть обочины, а шоссе перекрыли лесинами в обоих направлениях. Нашлось пару умельцев и шлагбаумы задергались с привязанными к одному концу скатами автомобильными, с деловитой интенсивностью. Первая же группа окруженцев, попытавшаяся "качать права" под предводительством именно майора артиллериста, Сергеем была буквально смята и задавлена морально в течение десяти секунд. С майора, попытавшегося взять горлом, он попросту оборвал петлицы и, выпотрошив его документы, поставил на обочину, лицом к лесу. Приставив часового, распорядился жестко.

– Дернется, стреляй, – организованный мобилизационный пункт, тут же у моста, с привлеченными и получившими четкие указания проходящими офицерами, заработал, формируя сводные взвода, роты и батальоны, по родам войск. Многие отступающие оказались без оружия и из таких Сергей распорядился формировать штрафную бригаду. Невзирая на звания. Нет при себе оружия – штрафник. Со стороны Можайска автотранспорт шел в основном с боеприпасами и продовольствием. Нашлись и зенитные снаряды. Зенитчики подогнали полуторку к своей пушечке и быстренько ее разгрузив, развернули обратно, загрузив тяжело ранеными. В соседнем лесу, по обеим сторонам от шоссе и железнодорожного полотна, развернулись полевые кухни и вскоре к танку начали прибегать те самые полковники с докладами. Лейтенант

Зверев, по совету Сергея, валил все на мифического командующего, который распоряжался исключительно через танкистов, выходя с ними на связь по рации.

Расстелив карту, Сергей отмечал на ней место дислокации вновь сформированных подразделений и ставил задачу на оборону майорам и полковникам, заставив их зарываться по уши в октябрьскую землю. Авиация пока не беспокоила, и прибывающий автотранспорт со стороны Москвы уже не доставался в виде трофеев немцам, а разгрузившись, отправлялся обратно, посадив в кузова женщин, стариков и детей. Поток со стороны Вязьмы начинал истощаться и к вечеру с запада прекратился почти полностью. Уже в сумерках, правда, попытался проломиться со свитой целый генерал и долго затейливо матерился, требуя пропустить его вместе со штабом. Лейтенант Зверев, спорить с генералом не стал, отвел к "вышестоящему командованию". Так и брякнул в горящие гневом генеральские очи.

– Пройдемте, товарищ генерал-майор, к вышестоящему начальству.

Увидев два танка и стоящих рядом с ними капитана с майором, генерал остановился от них в двух шагах и уставился на танкистов, бледнея от ярости. А те нагло курили и обсуждали что-то свое насущное, не обращая на него внимания.

– Товарищи командиры, – не выдержал и гаркнул генерал. – Вы что ослепли? Перед вами Комкор. Смирно!

– Чего перед нами? Комкорм? Силос что ли? Это хорошо. С фуражом перебои, – нагло нахамил в ответ капитан танкист, повернувшись к нему лицом. Генерал позеленел от злости и разинул рот, чтобы поставить зарвавшихся наглецов на место, но капитан-танкист опередил его, шагнув вплотную и сунув ствол пистолета в открытый рот.

– Заткнись, слякоть. Ты – Командующий корпусом, где корпус? Петлицы с треском оборванные, полетели на землю.

– Теперь ты не Комкор, а рядовой. Как там тебя по красноармейской книжке? – Сергей выдернул удостоверение из кармана генеральского френча. – Федоров Иван Кондратьевич. Рядовой Федоров, кругом. В штрафную роту бегом марш.

– Вы ответите за самоуправство! – не желал становиться рядовым генерал.

– А ты, сучара, ответишь за брошенный корпус. Почему валишь со штабом? Где личный состав? В котле? Ты, сука, знаешь сколько немцев окружили ваши сорок дивизий? Четыре. Че-ты-ре. Читай по губам. Скотина. Твой корпус, который ты бросил, мог их зарыть. Семьсот тысяч против семидесяти. Это что? И ты еще вякаешь? Кругом! Радуйся, что к стенке не поставили. Гнида, – Сергей развернул стоящего столбом генерала и вlepил ему пинок в толстый, туго обтянутый шинельным сукном зад.

– Зверев, этого Федорова в штрафную роту рядовым. Весь его штаб туда же. Приказ Командующего Резервным фронтом. Выполняйте, – и бывший генерал, а теперь рядовой штрафной роты, получив прикладом между лопаток, побежал, подгоняемый двумя зенитчиками.

– Круто ты с ним, Лексеич, – покачал головой Силиверстович, наблюдая как взвод пехоты во главе со старшиной, разоружает штабников и обрывает с них петлицы со звездами и кубарями.

– Ты посмотри на них внимательно. Они же лоснятся все от жира. Скоты. Комкор, мать его. Пусть радуется, что не приказал расстрелять, – Сергей подсветил фонарем в сгущающихся сумерках на расстеленную на броне карту и улыбнулся, взглянув в лист бумаги, на котором он вел учет сформированных подразделений.

– Десять тысяч человек уже остановили. Из них, правда, половина без оружия, а у тех, кто с оружием почти нет боеприпасов, но зато артсклад на пару тысяч тонн есть. С утра будем вооружать. Перекроем основные направления танкоопасные. Хрен тут немцы вообще пройдут. Теперь даже, если мы уйдем. Завтра назначу Комдива, Комполков и пусть воюют. Эй, Зверев, передай, что скот эвакуационный можно пускать в котлы. Не хрен гнать за тыщу верст, чтобы

там забить и в банки закатать. Старшины рот пусть отбирают стада и приставляют пастухов, чабанов и часовых по совместительству. Солдат должен быть сыт. Продскладом, кто заведует? Ко мне его, – прибежавшему капитану тыловику Сергей вдалбливал в течение часа порядок выдачи продуктов.

– Учет и контроль, капитан. Сейчас под шумок многие попытаются подойти сто раз. Гони в шею. Заведи журнал. Транспорт отслеживай и разгружай продукты в лесу. Ну и маскировка от авиации чтобы на высоте была. Ветками и т.д. Голову откручу, если хоть один килограмм крупы пропадет. И запомни, ты сейчас не капитан – ты ИНТЕНДАНТ. Сооруди повязку с надписью, чтобы люди понимание получили. Роту интендантскую набери из старичков. Сопляков не бери, только солидных мужиков. Эти живенько порядок, если что, наведут. Действуй, – капитан убежал к шлагбауму, набирать роту тыловую, а с запада все шли и шли всю ночь мелкие группы, вырвавшиеся из Вяземского котла. Подходили, выясняли, что здесь сборно-мобилизационный пункт и, предъявив документы, отправлялись в указанные места, во вновь формируемые взвода и роты.

Утро одиннадцатого началось с прибывшей автоколонны. Организованно драпала моторизованная дивизия. Командовал ей майор и на вопрос Сергея, где комдив со штабом, пожал плечами. Штаб потерялся при отступлении.

– Ладно, товарищ майор, я сейчас командующему доложу о вас и он примет решение, – Сергей захлопнул крышку люка и, определив на мониторе наиболее подходящее место для мотострелков, сообщил майору "приказ командующего". Дивизия спешила, укомплектовалась боеприпасами, позавтракала, и безропотно сдал автотранспорт для нужд полевых госпиталей и беженцев, принялась зарываться в землю. Подключившийся к организационным мероприятиям Петр Павлович, носился на трофейном мотоцикле с коляской и, в конце концов, во втором эшелоне у деревушки Сычи сформировал координационный центр со штабом, связистами и вновь назначенными командиром бригады и начальником штаба. Один из танков "допотопных" решили загнать на железнодорожную насыпь и в нем постоянно дежурили Силиверстович с Леонидовичем, "отслеживая воздух". Погода стояла вполне летная, но немцы в этом квадрате пока не появлялись, очевидно, отвлеклись на войска, запертые в "котле". Немцы появились только во второй половине дня, и была это небольшая механизированная группа. Обстрелянная, она развернулась и скрылась. Командование Вермахта понимало, что нужно пользоваться моментом и развивать успех, поэтому формировала спешно танковые группы и направляла их по Можайскому и Минскому шоссе. Закончив окружение четырех русских армий, и дождавшись, пока через прорыв подтянется пехота, танковые группы Райнхарда и Гепнера, сдав им позиции, дозаправились и ринулись развивать успех, выполняя директиву фюрера. Танки лязгали изношенными, провисшими траками по русским колдобинам, которые на карте были обозначены как шоссевые дороги и командиры сидели у перископов, проклиная эту скотскую, варварскую страну, конца и края которой не было. Командующий 4-ой танковой группой генерал-полковник Эрих Гёпнер начавший свою военную карьеру фанен-юнкером Шлезвинг-Голштинского драгунского полка в 1905-м году, кавалер нескольких железных крестов, трясся в командирском танке Pz Kpfw III и вспоминал состоявшийся две недели назад разговор с Фюрером. Гитлер, не любивший рукопожатий, тогда на прощанье протянул ему свою руку и крепко сжал его пальцы.

– Я надеюсь на вас, Эрих, – проникновенным голосом произнес он. – От ваших действий зависит исход всей летней кампании. Боевые действия затянулись и воевать с большевиками в условиях осенней распутицы будет трудно. Невыносимо трудно, Эрих. Но я верю в немецкого солдата. Запомните, Эрих, вот этот район... – Гитлер отпустил руку Гепнера и склонился над расстеленной на столе картой... – от Вязьмы до Можайска, чрезвычайно важен. Постарайтесь выбить большевиков из него до наступления зимних холодов. Он нужен лично мне, – Гитлер

обвел красным карандашом указанные квадраты на востоке Смоленской и на западе Московской области.

Почему для Фюрера эти районы так важны, Гепнер мог только догадываться, но в Рейхсканцелярии ему намекнули, что районы важны для создания новейших образцов вооружения, как сырьевая база и Эрих решил не лезть больше ни к кому с вопросами. Нужно, значит нужно. И вот он двигался со своей танковой группой именно по этим районам, довольно успешно, но... Будучи прагматиком, понимал, что возможно немецкий солдат самый стойкий солдат в мире, а вот техника, на которой он воюет – этот солдат... Гепнер связался по радиации с командирами дивизий и, выслушав их доклады о техническом состоянии танков, отметил для себя, что его группа, в которой изначально предусматривались шесть танковых дивизий с численностью от 900 до 1200 машин, фактически имеет на балансе треть от этого количества и моторесурсы у техники практически выработаны. Потери группа несла не от героически бросающихся под танки кавалеристов Буденного, а от технических поломок. Все кюветы были усеяны вставшими Pz-II и III. Морально устаревшими, с легкой броней. Считающиеся скоростными и созданными для проведения "Блицкрига" – молниеносной войны, они двигались по русским дорогам со скоростью черепах. В группе Гепнера осталось две сотни танков, пригодных для ведения боевых действий. Все остальные – это металлолом.

Танковая группа №4-е – по сути армия, превратилась фактически в дивизию. И с этими силами Гитлер собрался взять Москву. Гепнер отметил в своей записной книжке убыль вставших на марше машин и передал приказ комдивам двигаться двумя колоннами по Минскому и Можайскому шоссе. Распределив свою группу, так как он считал наиболее целесообразным, генерал-полковник задремал, привалившись головой в шлемофоне к башенной броне. Он уже забыл, когда нормально высыпался и глаза у него слипались последние несколько часов, стоило только расслабиться и присесть. Разведка донесла, что перед Можайском русские спешно строят оборонительный рубеж силами прорвавшихся из окружения полков, но танков на этом рубеже у них обнаружено не было. Зарылась пехота и Гепнер, связавшись с командованием "Люфтваффе", попросил поддержать его с воздуха. По его прикидкам асы Геринга уже должны были начать обработку русской пехоты, и у него в распоряжении было пару часов, чтобы доползти до этой линии обороны, проутюжить ее и выйти к Можайску. Колонны 4-ой группы медленно ползли по шоссе, теряя на каждой колдобине по машине. Две наиболее прилично выглядящие дивизии – 10-ую и дивизию СС "Дас Райх" Гепнер направил конкретно на Можайск. Комдивы – Оберстгруппенфюрер Пауль Хадссер и генерал-майор Вольфганг Фишер должны были подойти к развилке Можайского шоссе у деревушки Колоцкое и смяв русских, спешно там окопавшихся, развернуться для захвата Можайска с развитием дальнейшего наступления на Рузу, Кубинку, Одинцово в сторону Москвы, по Можайскому и Минскому шоссе. Какой либо сплошной линии фронта здесь не существовало и о том, что русские окапываются на подступах к Можайску, разведка донесла только вчера. Русские умудрились сбить над своими позициями три мессершмитта и командование "Люфтваффе", получив заявку от Гепнера с указанием квадратов, немедленно подняло в воздух несколько эскадрилий бомбардировщиков.

Второй Воздушный Флот господствовал в воздухе и Альберт Кессельринг, прозванный подчиненными "дядей Альбертом", мог себе позволить в 1941-ом ставить задачу бомбардировщикам, особенно не заботясь об их прикрытии истребителями. Пикирующие бомбардировщики Ю-87 Б -Юнкерсы, вполне обходились без прикрытия, а штурмовики Ю-87Д и Мессершмитты Вф 109 выполняли свои задачи, частенько отрываясь от бомбовозов и занимаясь чистой "охотой". Русские исчезли не только с неба, но и их противовоздушные средства были ничтожны. Войска в полевых условиях, практически ничем прикрыты не были, а зенитные батареи, имеющиеся у русских, выполняли задачи по прикрытию отдельных объектов. У разбитого железнодорожного моста, такая батарея имела и судя по всему зенитный расчет там

был опытным. Выполняя "заявку" Гепнера, две эскадрильи Юнкерсов – Ю-87-Б появились над селом Колоцкое и деревушками Акиншино, и Сычи в три часа пополудню. Тридцать две машины вываливались из облаков, разбившись на звенья по три машины. Ю-87 начинали работать по целям с высоты одного километра и могли висеть над окопами весь световой день в "каруселе", выполняя по пять-шесть вылетов в день. Скопление живой силы противника, готовящегося к обороне и не успевшего, как следует зарыться в землю, разыскивать долго не пришлось и Юнкерсы с воем валились в пики, заходя для бомбометания с востока. Зенитный расчет у моста, успел сделать всего один выстрел, потому что первая тройка Юнкерсов взорвалась на выходе из низкой облачности почти одновременно. Сдетонировавшие в бомболюках бомбы и баки с горючкой, вспухли огненными шарами, долбанув по ушным перепонкам и следующее звено Юнкерсов, вынырнувшее из облачной пелены, вынуждено было лететь сквозь обломки предыдущего звена. Возможно, что кто-то из асов Геринга успел посочинить на это обстоятельство, но постигшая следующую тройку участь предыдущей, времени на это им много не отвела. Секунды две не больше.

Бомбардировщики рвало на миллион кусков, окутав предварительно огненным шаром. Три взрыва, слившись в один, швырнули русскую пехоту на дно, спешно открытых окопчиков и щелей, а из облаков вываливалось очередное звено из трех Юнкерсов. Асы Геринга сообразили, что их безнаказанно расстреливают еще на подлете, только потеряв половину машин, и высыпав бомбы куда попало, развернулись, чтобы уйти под прикрытием облачности на полевой аэродром. Однако и это им не удалось. Весь день низко висящие облака именно во второй половине дня рассеялись и оставшиеся пятнадцать машин, запылали на высотах от трех до пяти километров. Разваливаясь на куски, они сыпались на колхозные поля, превратившиеся в болота и десяток парашютов крутило ветром с чернеющими под ними человеческими фигурками. Командиры эскадрилий, успевшие связаться с командованием по радио, озадачили его своим невозвращением, и в сторону русских позиций в окрестностях Можайска был послан Фокке-Вульф – разведчик. "Рама", зависла над позициями, набрав предельную высоту и попыталась сделать фоторепортаж, но и ее достали средства ПВО русских, так что когда она не вернулась, предварительно пропав из эфира, командующий Второй Воздушной, распорядился временно приостановить выполнение "заявок", поступающих из 4-ой танковой группы. Потеря тридцати шести машин за сутки в одном квадрате – это было ЧП фронтового масштаба и "Улыбчивый Альберт", как прозвали Кессельринга англичане, распорядился высыпать в пяти километрах от села Колоцкое воздушно-десантную группу, для выяснения обстановки на месте. Группа, в количестве взвода, высыпалась за борт между селом Уваровка и Посильево, удачно приземлившись в лесу и не потеряв ни одного человека, двинулась в сторону села Колоцкое вдоль железнодорожного полотна, ориентируясь на монастырские постройки.

Монастырь Колоцкий закрыт был большевиками в середине тридцатых годов и купола его церковью стояли без крестов, но видны были за десять верст. Перед войной в монастыре бывшем разместился интернат для глухонемых детей и Биологическая станция. Остальные постройки и угодья за стенами, принадлежащие до революции монастырю, были переданы колхозам. Впрочем, и стены монастырские уже частично были демонтированы окрестными колхозами, так что обитель стояла в разоре и переживала самые свои худшие времена. Пережив нашествие Наполеона в 1812-ом, монастырь был упразднен как таковой Советами и монашествующих на своей территории не содержал. Интернат с детишками эвакуировали и в военное время здания монастырские использовались для хозяйственных нужд, то одной, то другой воюющей стороной. В основном для госпитальных нужд. Находясь на развилке шоссе и окруженный прудами и заливными лугами, а также с одной стороны отсеченный от мира речушкой Колочь, монастырь являлся объектом стратегически очень удобно размещившимся и в нем, в свое время, останавливались со своими штабами Кутузов и Наполеон. Но в этой войне, по непонятной причине, им для этой цели ни кто, ни разу не воспользовался. Война

перемахивала всякий раз через купола Успенского собора без крестов, катясь, то на восток, то на запад. Десантная группа сумела подобраться практически вплотную к позициям русских и зафиксировать их оборону, доложив по радию, что видит одну зенитную батарею из двух орудий и два танка средних типа Т-34 – не удосужившихся даже замаскироваться. Силуэты у танков были слегка размазаны камуфляжными пятнами, но в целом обнаружить их труда не составило. Один из них и вовсе выполз на железнодорожное полотно, и рядом с ним разгуливало несколько человек. Лейтенант Заугер, командовавший взводом десантников, если бы ему поставили задачу взять экипаж этого танка в качестве "языков", не сомневался, что смог бы это сделать среди бела дня. Но такую задачу ему ставить начальство не стало, благоразумно рассудив, что взять нужно что-то посолиднее, чем чумазый русский "ванька" ворочающий рычаги.

– Заугер, возьмите офицера, желателно штабника, – открытым текстом поставил задачу диверсантам командир их роты. Перехвата русского он не опасался, так как, по его мнению, в России пока не знали, что радио изобретено их же соотечественником еще в начале века. У них, конечно, есть на столбах репродукторы, чтобы слушать по ним своих комиссаров из Москвы, но в армии пока большевики ввести радиосвязь не удосужились. Заугер был с командиром роты полностью согласен и открытым текстом подтвердил получение поставленной задачи. Диверсанты подкрались к переднему краю русских и ловко выкрали отошедшего справиться нужду офицера. Во френче и португее – это был солидный мужчина, и справиться с ним оказалось не просто. Крикнуть даже мерзавец успел и вышиб два верхних зуба рядовому Мюллеру. Уходить пришлось поэтому с шумом, потеряв половину людей, но когда Заугер при первой же возможности провел экспресс-допрос и выяснил, что к нему в "языки" угодил целый большевистский генерал, то понял, что потерял людей не зря. Как минимум очередное звание и Железный крест первой степени, а может вместе с ним и Немецкий со свастикой, вот что сидело перед ним, привалясь спиной к березе, таращась на "динсдольх", с помощью которого Заугер успешно преодолевал языковой барьер.

Лейтенанту повезло, ему в лапы попал Командующий корпусом Федоров, бывший, правда. Разжалованный Сергеем накануне вечером, но благоразумно об этом молчащий. В штабе Второго Воздушного Флота "Дядюшка" Альберт, так обрадовался русскому генералу, что усадил его с собой за стол и налил рюмку французского коньяка.

Переводчик не успевал переводить его вопросы, а ответы русского делали улыбку Кессельринга все шире и шире.

Русский утверждал, что у рухнувшего моста стоит зенитная батарея и на этом силы ПВО у русских иссякали.

– Кто же сбил наши самолеты, герр Федорофф? – скалился Кессельринг, орудуя столовыми приборами.

– Танки сбили, – честно давал показания разжалованный Комкор.

– Танки? Из пушек? – Кессельринг перестал жевать и, плеснув в рот рюмку, промокнул губы салфеткой.

– Из пулеметов, – Федоров вертел в пальцах пустую рюмку и с тоской косился на стоящих при входе в столовую часовых с автоматами.

– Из танкового пулемета? – Кессельринг поморщился. Он сам любил пошутить и рассказывать в кругу друзей байки, но терпеть не мог откровенного вранья. Дезинформации, если по-военному.

– Опытная модель, – Федоров понимал, что ему не верят и ждут, что он расскажет про зенитные батареи, которые по какой-то причине натканы под каждым деревом Советским командованием в этом квадрате.

– Два танка – Т-34-ых, вооруженные зенитным пулеметом? Скорострельность, калибр? – Кессельринг капнул русскому генералу из графинчика коньяку и Федоров, взглянув в рюмку,

не увидел разницы. На дне по-прежнему ничего, с его точки зрения, не было. Но претензий высказывать не стал, смочив коньяком губы.

– Калибр?– наморщил он лоб, пытаясь вспомнить диаметр ствола.– 12-ть миллиметров. Скорострельность пять тысяч в минуту,– выдал Федоров тактико-технические характеристики ЗП-41-го, так и не вспомнив, как выглядел ствол.– Очень быстро и далеко стреляет.

– По сведениям нашим, весь бой длился пять минут. Экипажи ничего не успевали сообщить, герр генерал. Это что за секретный пулемет?

– Я не знаю,– признался Федоров.– В моем корпусе на вооружении таких не было. Если бы были, то сейчас не вы бы меня допрашивали, а я вас,– последняя фраза "Дяде" Альберту не понравилась явно, и улыбаться он перестал.

– Уведите и снимите подробные показания,– распорядился он, швыряя на стол салфетку.

Допрашиваемый "подробно" Комкор, выплевывал на пол выбитые зубы и признался в процессе даже в том, что будучи во время Гражданской командиром взвода, однажды наставил рога своему ротному, но о зенитных полках, рассредоточенных под Можайском, молчал.

– Хитрый попался большевик. Фанатик,– сделал вывод "Улыбчивый Альберт". А ночью "хитрый большевик" выворотил в сарае, куда его заперли, два бревна гнилых /на вид совершенно нормальных/, задушил голыми руками часового и сбежал, так и не дав правдивых показаний.

– Неблагодарная свинья. Вылакал рюмку превосходнейшего коньяка и ушел по-английски, не попрощавшись,– огорчился Кессельринг, когда ему вынуждены были доложить о бегстве русского генерала.– Догнать и повесить.

Догнать Федорова немцам не удалось, следы его терялись в болоте. Кинологи с овчарками метались, увязая по уши, и лезть дальше отказывались. Доложили, что утонул русский у них на глазах в трясине и немецкие писаря, с немецкой педантичностью, отметили этот факт во всех надлежащих формах и формулярах.

А Комкор разжалованный, неделю выбирался, ночуя на болотных кочках и вышел к своим в районе Волоколамска.

По дороге он снял с убитого красноармейца гимнастерку и шинель, утопив свой френч и выйдя к своим, назвал рядовым Ивановым, как и было обозначено в красноармейской книжке, доставшейся ему вместе с гимнастеркой.

Командир взвода, в который попал красноармеец Иванов, не мог на него нарадоваться. Боец оказался опытный, обстрелянный, исполнительный и немцев ненавидящий всеми фибрами души. Правильно в русском народе говорят,– "За одного битого, двух небитых дают".

Глава 3

Гетнер, узнав, что временно лишен поддержки с воздуха из-за активно работающих ПВО русских, помрачнел, помянул черта, как водится и "Доннер Веттер", обрадовано завертелся вокруг него, предчувствуя потеху.

Дивизия "Дас Райх" уже подходила к селу Колоцкое и развед. рота на мотоциклах, крутилась на перекрестке, в ожидании основной головной колонны. Дальше двигаться разведчики не стали, разглядев русские позиции, и благоразумно прикрылись стенами монастыря. Из-за часовни у дороги, ведущей в сторону моста, появился русский танк, выкрашенный пятнами и, развернув в сторону развилки ствол, суету усилил, расчистив шоссе мгновенно, от людей и техники, одним своим появлением.

Оберстгруппенфюрер Пауль Хауссер, прозванный подчиненными "папой", двигался, как и положено, в командирском бронетранспортере, высунувшись из люка Sd Kfz 253-го с биноклем на шее. Он тоже не был в восторге от состояния матчасти своей дивизии, понесшей ощутимые потери в технике за последние несколько дней. Ремонтники не успевали оттаскивать на обочины, заглохшие машины и дивизия растянулась в результате от Вязьмы на двадцать километров, приводя этим обстоятельством "Папу" в уныние. Одиннадцатый пехотный полк, сидел на броне танковых полков "Дер Фюрер" и "Дойчланд" и таял вместе с отставшими машинами. Командирский БТР встал, останавливая всю колонну и выслушав доклад командира развед. взвода о том, что впереди русские приготовились к встрече, Хауссер связался с командиром "Дойчланда".

– Вильгельм. Нужно сходу проломить оборону русских и разворачиваться на Можайск. Разведчики доложили, что впереди только пехота. Нет, артиллерии не обнаружено. Один танк Т-34-ый. Приступайте. Начало атаки по красной ракете. Время отпускаю на все про все полчаса. Вперед.

– Хайль Гитлер, – принял к исполнению задачу оберфюрер Биттрих и, связавшись с комбатами, передал им приказ об атаке русских позиций. Колонна танковая, заворочалась, разворачиваясь в сторону монастыря и по красной ракете, обреченно сползла с шоссе на полотно сначала на обочину, потом в кювет, а из него поползла, ревя двигателями на северо-восток. Гренадеры вцепились в броню, лязгая зубами, и приготовились по команде, десантироваться при возможном обстреле артиллерией врага наступающих машин. Два десятка Pz-III-их, увязая в раскисшей пашне, обошли строения монастырские слева и, зацепившись траками за стерню, бодро заурчали в сторону позиций сводной дивизии, просматривающихся в трехстах метрах по курсу. Еще одна группа из десяти танков обошла монастырь справа и двинулась по шоссе, лязгая траками. Наступать здесь иначе было и невозможно, а один русский танк вставший у них на пути никто, особенно в расчет не принимал, открыв по нему огонь сходу, вывернувшись колонной из-за стен монастыря. Две батареи 2-го зенитного дивизиона, срочно развернув орудия, открыли так же беглый огонь практически прямой наводкой, так что шансов уцелеть у русских танкистов было, по мнению Биттриха, ноль.

Он наблюдал за разворачивающимся вторым батальоном из своего люка в бинокль и когда несколько машин одновременно вспыхнули, а с двух из них сорвало взрывами башни, то не поверил своим глазам. Впился в окуляры, прижав их к глазницам до боли и выругался, так же как и комдив, помянув черта. Присовокупив к нему еще пару эпитетов, которые рога-тому явно пришлись не по душе, потому что башня одного из танков, рухнула с неба прямо у кормы командирского танка, смяв в лепешку мотоколяску, вместе с пулеметным расчетом и водителем. Кровавые брызги, долетевшие до Биттнера и предсмертные вопли убитых башней солдат, обдали оберфюрера волной ужаса, и он нырнул поспешно в люк. А в поле, слева от монастыря, уже горело половина машин, радостно полыхая бензиновым пламенем. Оставши-

еся танки ползли по-прежнему вперед, просыпавшись гренадерами, которые предпочли умирать в чистом поле, а не на броне. Зенитные батареи, эффективно приспособленные немцами для ведения огня по танкам, так же несли потери, получив по своим позициям несколько прицельных попаданий.

Рвались снаряды, приготовленные для стрельбы расчетами, и орудия летели, кувыряясь, убивая и калеча людей.

Русские танкисты и не подумали убраться с шоссе, а напротив, двинулись, маневрируя, навстречу немецкой танковой колонне, ведя убийственный для нее огонь. Горящие машины, расползались по сторонам, освобождаясь от экипажей и гренадеры, разбегались от них подальше, остерегаясь детонации боекомплектов. Размалеванный коричнево-зелеными пятнами русский танк, деловито объезжал застывшую технику, а в одном месте, когда объехать вставшие вплотную Pz-III-ые не представилось возможным, попросту сдвинул их оба сразу в кювет, при этом в одном из них в это время как раз и сдетонировали снаряды, срывая напрочь башню. И она, врезавшись в русский танк, отрикошетила от него как консервная банка, юзом пронесаясь по шоссе полотно. На развилке, русский экипаж, повертел башней, будто потерявшись от обилия целей в прицелах наводчиков, и шваркнул из огнемета, накрыв пламенем не меньше километра в сторону Уваровки. Затем плюнул так же и в противоположном направлении, сжигая все, что не успело убраться в стороны. Дивизию от уничтожения спасло то, что растянулась она за линию горизонта, но все что оказалось в пределах видимости – горело. Немцы в панике убегали с шоссе, ставшего ловушкой, и рассыпались по окрестным лесам, прячась в них от страшного русского огнемета на гусеницах. Сталин снова преподнес командованию Вермахта очередной свой сюрприз, применив новый образец вооружения. Такого пока никто еще не видел. Огнемет плевал сгустками пламени, которые прожигали не только моторные отсеки, но и лобовую броню в 60-ят миллиметров. Дивизия попятилась, бросая горящую технику и отползла спешно назад, предпочтя увязнуть в болото-лесистой местности, сгоранию заживо...

Пауль Хауссер, чудом спасшийся на командирском БТР-е, обалдев, слушал доклады, оставшихся в живых командиров полков в жиденькой березовой рощице, в которую Sd-253-ий вломился удачно, прикрывшись развесистым ореховым кустом от русского прицельного огня.

– У меня половина машин горит, оберстгруппенфюрер, – докладывал оберфюрер Диттрих, так же уцелевший чудом.

Его танк укрылся за двумя горящими БТР-ами и оберфюрер вел "репортаж" можно сказать из "партера".

– Русский танк отползает назад, – докладывал он. – Я сам видел, оберстгруппенфюрер, как в него попал зенитный снаряд. Отрикошетил. Это что-то новое, с усиленной толщиной брони, но на вид как средний танк. Пушка миллиметров 70-т и пара пулеметов. Один из них зенитный. Вооружение обычное для Т-34-го. Мои потери, оберстгруппенфюрер, не позволяют продолжить атаку. Разрешите отступить? – оберфюрер кривил душой, спрашивая разрешение на отвод атаковавшего русских батальона, мог бы и не спрашивать, так как отводить было нечего. Но немецкая педантичность требовала такого распоряжения и он его запросил.

– Отводите, Вильгельм, – ответил "Папа" и, открыв планшет, также педантично отметил на карте место, где его дивизия понесла столь ощутимые потери. Затем он вышел на связь с командующим группой Гетнером, и доложил, что продвижение дальнейшее на Можайск невозможно без поддержки с воздуха.

– Где "штукасы"? – интересовался он. – Почему их нет? Небо абсолютно безоблачно. Здесь у русских отличная противотанковая система обороны. У нас потери до 30-ти процентов бронетехники. Еще одна такая атака, Эрих, и можно пускать себе пулю в лоб. Танков не останется. Давайте Люфтваффе.

– Все так плохо?– донеслось до него из наушников.– Люфтваффе отказываются принимать наши "заявки" на работу в этом квадрате, оберстгруппенфюрер. У русских здесь мощные ПВО. За день они сбили здесь тридцать шесть самолетов. Кессельринг просит подавить русские средства ПВО и тогда он готов работать с нами.

– Что за бред? Какие ПВО?– оберстгруппенфюрер в раздражении отключил связь и связался с разведбатом.

– Штурмбанфюрер Остендорф? Ко мне!– скомандовал он, решив поставить разведбату задачу лично.

Появившийся в рожице гауптштурмфюрер Остендорф Вернер, выслушал "Папу" и, вскинув руку, тут же стал ставить задачи своим людям, которые поротно и повзводно, скрытно начали перемещаться в сторону развилки.

Дивизионные разведчики, парни все как на подбор, вооруженные М-40– ми, в пятнистой униформе, сосредоточились слева и справа от монастыря, вдоль шоссе и полотна и, прикрываясь горячей техникой, сумели сблизиться с русским авангардным заслоном вплотную. Шустро забросав русский танк гранатами, армейский спецназ, вывалился после пары десятков взрывов, ожидая увидеть горящий металл, но танк, стоящий в воронках, плеснул по ним из пулеметных стволов и медленно пополз назад, укрываясь за часовню, которую при Советах использовали в качестве колхозного свинарника или овчарни. Сгоревший заживо взвод разведчиков, вынудил комбата дать команду на отход и диверсанты убралась, сосредоточившись в соседнем леске, с южной стороны Минского шоссе. Все выглядели подавленными, мгновенной смертью товарищей, с которыми воевали бок о бок, от самой границы.

А русские, явно издеваясь, включили пропагандистские громкоговорители. Сначала погнали какой-то марш, от которого зачесались пятки у гренадеров, и морозом пробрало, а потом голос на дойче обратился к ним, называя почему-то козлами.

– Слушайте внимательно, Козлы!– начал голос совершенно без акцента и гренадеры переглянулись в недоумении.

– Если из вас сегодня кто-то останется жив, то надолго запомнит этот день,– продолжил голос и рассыпался смехом.

Смех летел над верхушками деревьев и сыпался с них в уши эсэсовцев, заставляя вжимать головы в плечи. Вполне обычное это "Ха-ха-ха", усиленное и разнесшееся над выпотрошенной и горячей колонной, проникало в уши солдат и леденило похлеще, чем осенние русские ветра.

– Валите обратно в Рейх!– прекратив смеяться, посоветовал голос.– Иначе закопаем всех вас, Козлов, здесь. Места у нас много,– снова грянул марш и русских хор спел на прощанье песню с лихостью и свистом.

Уже начинало смеркаться, и комдив принял решение отвести уцелевшие подразделения к поселку Уварово, западнее, чтобы подвести итоги и освободиться от балласта в виде раненых, контуженных и убитых. Похоронные команды, потянулись в поле, подняв на ветках белые тряпки и русские не стали им препятствовать.

Выжившие экипажи суетились у сгоревших на шоссе машин и тягачи пытались вытащить из этой груды наименее пострадавшую технику. К полуночи немцы уgomонились, отступив, и в районе бывшего Колоцкого монастыря наступила относительная тишина. С позиций русских доносилась возня, там продолжали строить и укреплять оборону, а на шоссе затаились разведгруппы, получившие задачу под прикрытием темноты, уничтожить проклятый танк-огнемет вместе с экипажем.

– Если удастся взять в плен танкиста из экипажа, то все будете представлены к Немецкому Серебряному Кресту,– пообещал Остендорф.– Тому, кто лично повяжет танкиста Золотой Крест и премию в сто тысяч марок. Рейхсмарок,– уточнил гауптштурмфюрер.– Это просил

вам передать Папа,— диверсанты переглянулись и каждый из них невольно подумал о том, что сто тысяч марок, конечно, сумма изрядная, но что с ней делать в этих проклятых Богом местах.

– Отпуск в Германию – месячный Папа тоже обещает отличившимся,— дополнил список бонусный Остендорф, будто прочитал мысли подчиненных, и парни невольно заулыбались, заблестев в темноте зубными оскалами.

Немецкий крест, введенный нацистами и презрительно называемый в Вермахте "Яичница Гитлера" за свои несуразные размеры, пользовался в Ваффен СС, заслуженным почетом и о нем мечтал каждый. Больше, чем о привычном Железном. Стимулированные самым наилучшим образом разведвзвода, под прикрытием темноты, начали просачиваться через загроможденное горелой техникой шоссе и обходить монастырские постройки с обеих сторон. Один из взводов, перемахнул через полуразобранный забор из кирпича и растекся по подворью монастырскому, чутко прислушиваясь к окнам и дверям, мимо которых крался. Но подворье было пусто, и никто не выскакивал на них с топорами и вилами, не говоря уж о чем-то огнестрельном. Где-то на ветхой крыше хлопала кровля, колеблемая порывами ветра, а из-под заколоченных крест накрест дверей в русский храм, выскочила одичавшая кошка, метнулась под ноги, шарфюреру Штейнеру Фрицу и зашипев, шмыгнула обратно в пролом.

– Дерьмо,— прошептал, чуть не открывший стрельбу шарфюрер и командир взвода – оберштурмфюрер Фогт Фриц, зашипел на него разъяренным котом.

– Заткнись, Фриц. Ветер от нас,— взвод, сноровисто перебегая от строения к строению, достиг восточной ограды и затаился прислушиваясь и приносиваясь. Не видно было ни зги. Небо опять затянуло и мерзкий русский дождь начал поливать лежащих диверсантов-разведчиков, не спеша и от всей души. За оградой просматривалось здание, у которого по предварительным данным должен был дислоцироваться секретный русский танк, но сейчас его видно не было. Оберштурмфюрер ткнул в плечо шарфюрера тезку и тот понимая его без слов, перемахнул со своим отделением через забор, растворившись в темноте. Вернулось отделение через две минуты и доложило, что танк стоит с той стороны у обочины шоссе и движения рядом с ним не обнаружено.

– Спят иваны. Нажрались тушенки и дрыхнут. Даже часового не поставили. Что будем делать, оберштурмфюрер?— шарфюрер доложил все это свистящим шепотом и в ожидании приказа, затаил дыхание.

– Гранаты его не берут. Фриц, возьми саперов и суньте под него парочку противотанковых мин. Глушанем иванов, сами вылезут и лапы поднимут. Остальным сосредоточиться вон у того домика,— оберштурмфюрер ткнул пальцем в сторону часовни.— И ждать. Как только рванет, все к танку. Пока нас другие не опередили. Кресты, парни, на дороге не валяются. Вперед!— шарфюрер, с двумя саперами, уполз к русскому танку, а остальной взвод выдвинулся на указанный ему рубеж и замер под дождевыми струями, которые усилились, будто там на небе, кто-то отвернул вентиль на кране до упора. Хлестало так, что камуфлированные куртки промокли моментально насквозь и разведчики едва сдерживались от зубовного стука. Саперы появились, разматывая провода, и залегли рядом с оберштурмфюрером.

– Огонь!— скомандовал тот и два взрыва громыхнули в ночи под днищем русского танка.— Вперед!— рявкнул в полный голос Фогт и взвод кинулся с автоматами наперевес к танку. Его темный силуэт вырос перед взводом, и эсэсовцы растерянно остановились, ожидая дальнейших команд.

– Осмотреть!— скомандовал Фогт и взвод обступив танк, начал его практически ощупывать, так как включать электрические фонари никто не осмелился без команды. Осмотр машины на ощупь показал, что танк пробоем в днище не имеет. Воронки две свежие и вонючие имели место быть, но броня повреждена не была. Похоже, что русский танк не брали не только противотанковые немецкие гранаты, но и противотанковые немецкие мины.

– Может они там контуженные сидят, оберштурмфюрер?– высказал предположение шарфюрер-тезка.

– Проверьте люки,– распорядился Фогт и разведчики полезли на броню.

– Все заперто, оберштурмфюрер,– доложил шарфюрер, первым добравшийся до верхнего люка.– Что делать?

– Постучи и попроси пустить погреться,– зло пошутил в ответ оберштурмфюрер, но шарфюрер не отличался чувством юмора и тут же грохнул автоматом по люку.

– Эй, Иван, открывай. Пусти в гости!– крикнул он дисциплинированно.

Люк мгновенно откинулся и шарфюрер, получив удар в лоб, выпал из реальности.

– Битте зеер,– донеслось до ушей всех остальных, и тушка темная шарфюрера исчезла внутри танка. Люк тут же захлопнулся с треском и оберштурмфюрер не успел никак отреагировать на происшедшее. Только что на его глазах, противник захватил одного из его людей, причем по его же просьбе и что теперь делать в этой идиотской ситуации Фогт не знал.

– Дерьмо,– выругался он в сердцах и врезал металлическим прикладом автомата в броню.– Эй, Иван, выходи!!!– крикнул он и забарабанил часто и непрерывно. Стук этот, очевидно, "иванам" не понравился, так как они в ответ завели двигатель и развернувшись вокруг своей оси несколько раз, вынудили разведзвод отскочить от него. Затем раздался голос на немецком.

– Считаю до пяти, оберштурмфюрер. Не успеете сбежать, зажарю. Раз, два...– начал отсчет голос и когда произнес,– Пять, кто не спрятался – я не виноват,– взвод диверсантов уже добежал до храма Успения.

Очнувшийся, тем временем, шарфюрер в салоне танка, испуганно пялился на двух русских танкистов в шлемофонах.

Русские выглядели вполне обыкновенными людьми и один из них помоложе, подмигнул ему:

– Здравствуй, Фриц,– поприветствовал он его.– Чай, кофе?– Фриц завертел головой и удивился, что руки у него свободны и на шее по-прежнему на ремне болтается М-40-к. Рожок, правда, русские отстегнули. Не было и "динсдольха" в ножнах.

– Кофе, пожалуйста, господин русский,– неожиданно для себя попросил Фриц и получил в руки горячую кружку.

– Пей, разведка. Служба у тебя собачья. Грейся, нам не жалко,– посочувствовал Фрицу русский, и Штейнер отхлебнул глоток. Кофе, к его удивлению, оказался самый что ни на есть настоящий, от него пахло именно кофе, а не химией с куриным пометом пополам и шарфюрер, невольно расплылся в улыбке. То, что он в плену уже не удручало его простую душу бюргера. Когда Фриц уходил в армию, то его отец, воевавший в Первую мировую и побывавший, как он говорил, у дьявола в заднице, советовал ему, делаясь собственным опытом:

– Сынок,– старый, битый жизнью Ганс Штейнер, потрепал сына по щеке.– Сынок, если не приведи Бог, случится война с русскими, сразу сдавайся в плен. Они к пленным относятся лучше, чем друг к другу. Не подставляй лоб под пули. Ты у нас один сын. Помни об этом,– тогда Фриц не придавал значения словам отца, отнесся их на счет старческого маразма, но сейчас они ему вспомнились и он спросил:

– Меня расстреляют?

– Размечтался,– ответил русский.– Кофе попьешь, и вали к своим. Нам с тобой возиться некогда.

– Вы меня отпустите?– не поверил Фриц, перестав хлебать кофе.

– А на хрена ты нам тут нужен?– вопросом на вопрос ответил русский танкист и захохотал так заразительно, что шарфюрер не удержался и загыгыкал в унисон.– Просился в гости, пустили. Кофе напоили, пора и честь знать. Мокрый к тому же, как курица, мать твою,– объ-

яснил танкист причины, по которым они не желают держать Фрица в качестве пленного.— Как кофеек, Фриц?

— О! Хороший, очень хороший кофе. Спасибо,— Фриц поймал себя на мысли, что ему совершенно не хочется выползть из этого уютного русского танка со свежесваренным кофе под проливной дождь, и он невольно вздохнул украдкой.

— А что делать?— спросил его русский.— Служба, брат, у тебя не сахар. Понимаем, но тут уж все претензии к своему фюреру. Чего ему не сиделось дома? За каким чертом погнал Вермахт умирать к нам? Померли бы не спеша у себя дома, в постелях, от старости. Так что сваливай. Да, и передай взводному, что в следующий раз обязательно поджарим, если сунется ближе пятидесяти метров. Что за манеры? Ночью спать полагается, а не совать мины под днища танкам. Прощай, Фриц, — люк распахнулся и танкист бесцеремонно подогнал Фрица. Спрыгнув на землю, шарфюрер покрутил головой и побрел в сторону монастыря, сжимая в руке автомат, который русские так и не удосужились у него отобрать. Дождь прекратился, и в небе засверкали звезды. Похоже, что облака дождевые унесло ветром и Фриц, перемахнув через ограду, побежал в сторону своих, бормоча на бегу.

— Раз, два, три, четыре, пять — кто не спрятался, я не виноват,— считалка эта, услышанная им в бессознательном состоянии так привязалась, что избавиться от нее он не мог потом несколько дней, бормоча к месту и не к месту. А когда он явился, цел и невредим, побывав в гостях у загадочных русских, оберштурмфюрер долго пытался вытащить из него хоть что-то существенное.

— Что они говорили? Повтори,— снова и снова заставлял он пересказывать пятиминутный разговор шарфюрера с танкистами.

— Так и сказали "передай взводному, что в следующий раз обязательно поджарим, если подойдете ближе пятидесяти метров",— послушно повторял Фриц.

— А как там у них все внутри выглядит?— докапывался до мелочей Фогт.

— Во!— Фриц показывал большой палец и, приподняв восхищенно брови, таранился на своего командира.

— Что "во"? Выглядит как?— разозлился на тупость шарфюрера оберштурмфюрер.

— Я и говорю, что выглядит очень хорошо. Уютно. Пахнет кофе. Как дома на кухне.

— А необычное что-нибудь бросилось в глаза? Приборы, оружие?— допытывался оберштурмфюрер.

— Оружие? Нет, не видел. Кофе пахло, помню, и музыка чуть слышно играла. Тепло, сухо.

— И тебя кофе угостили?

— Да, оберштурмфюрер. Пей, говорят, нам, говорят, не жалко, говорят,— Фриц вспомнил вкус кофе и сглотнул слюну.

— А почему они тебя отпустили?— последовал следующий вопрос.

— Сказали, что "на хрена нужен". Что мокрый, как курица. Возиться не захотели.

— "На хрена"?— оберштурмфюрер задумался. Он уже слышал это противоречивое словосочетание, которое означало совсем противоположное тому, о чем оно утверждало. Понять его было трудно даже с переводчиком. А звучащее с вопросительной интонацией, вообще означало, что собеседник просто не уважает того, кому этот вопрос задает. А уж если послали на этот самый "нахрен", то можно никуда не ходить, потому что посылающий не имеет в виду конкретное место и если переводить на нормальный цивилизованный язык, то означает, что собеседник попросту просит прекратить полемику.— На хрена,— повторил оберштурмфюрер.— Ну и как ты, Фриц, думаешь, нахрена они тебя отпустили?

— А хрен его знает,— шарфюрер вырос в собственных глазах, сумев вернуть к месту русское словосочетание.

— Пошел на хрен,— психанул оберштурмфюрер. Вермахт и конкретно приданные ему Ваффен СС, семимильными шагами осваивали русский разговорный и к следующему лету

1942-го уже загибали так, что могли бегло общаться с местным населением на любые темы. Великий и могучий русский язык начал ассимиляцию в тевтонских сумрачных душах, своей самой крохотной частью, пуская в них корни через бранные слова и те из них, кто выжил в этой войне, вернувшись в Дойчланд, уже воспринимали на слух русский язык как нечто почти родное, узнаваемое и неотъемлемое от их жизни. Самая культурная нация Европы, проиграла войну и в этом направлении. Ругались русские гораздо изошреннее и заковыристее немцев, поэтому ни одно ругательство немецкое в русском языке не прижилось за все четыре года войны. Русские знали несколько расхожих фраз на немецком типа "Хенде хох" и "Гитлер капут", и на этом все их познания заканчивались. Зато немцы освоили русскую матерщину повсеместно и у офицеров считалось верхом совершенства, поднять взвод или роту в атаку, обложив подчиненных семиэтажным русским матюгом.

Глава 4

Михаил с двумя "мазуриками" переодетыми в форму рядовых красноармейцев добрался до Можайска также 10-го октября к вечеру, подсев на попутный транспорт, который двигался в сторону фронта довольно интенсивно по всем направлениям. По Минскому шоссе они и доехали почти туда куда хотели. И только на развилке у деревни Большое Соколово, выгрузились из кузова полуторки, везущей на фронт ящики с патронами.

– Здесь рукой подать до Соболюков,– радовался Винт, т. е. рядовой Викентьев Трофим Иванович.– Километра три и мы там. Сколько же я здесь не был? Лет пять кажись. Вот батя с матерью-то обрадуются и сеструхи. У меня три сестры, гражданин начальник. Младшие. Замужем все уже. Племянников уже нарожали десяток. Молодцы девки, не то, что я. Болтаюсь, как дерьмо в проруби по жизни.

– Завяжи и живи,– Михаил швырнул Винту вещмешок, набитый под завязку и тот принялся его натягивать на плечи.

– Какой там! В розыске я, гражданин начальник. С кичи соскочил, теперь шухарюсь. Поймают, добавят. Не-е-е-т, хрен там, не завязать.

– Слушай, рядовой Викентьев, ты меня гражданином начальником не обзывай. Я для тебя товарищ майор теперь. Уяснил?

– Уяснил, товарищ майор.

– Усвойте простые правила уставные и придерживайтесь их. Отвечать следует на замечания "есть" и "так точно", а если не прав, то "виноват". Понятно? Тебя, рядовой Котов, тоже касается.

– Есть, так точно,– гаркнули хором "мазурики", осваивая устав строевой службы Красной армии.

– За мной в колонну по одному, шагом марш,– скомандовал Михаил и направился в сторону Большого Соколова.

Задерживаться в нем не стали, направившись по проселочной дороге в сторону Малого Соколова, которое и на самом деле оказалось меньше в половину.

– Вон за лугом и наши избенки видны уже, товарищ майор,– сообщил Михаилу направление дальнейшее рядовой Викентьев, будто бы они стояли на перекрестке и было из чего выбирать. Дорога вилась только в одном направлении. Заросшая травой и залитая дождем она едва угадывалась, петляя по пересеченной местности, будто тот кто первым додумался здесь проехать был в стельку пьян и лошади брели, как им вздумалось. Перемахнув через речушку по дощатому мостку, дорога свернула налево и уткнулась в несколько избенок, пытающихся изобразить нечто вроде улицы.

– Разрешите, товарищ майор?– рядовому Викентьеву не терпелось постучаться в родные, завалившиеся на бок ворота.

– Давай, Трофим Иванович, только мне кажется, что нет тут никого. Даже собак не слышно.

Деревня, а скорее уж хуторок, угрюмо молчал, нахохлившись под дощатыми крышами и Викентьев, дернув за щеколду, толкнул ворота, распахивая их во двор. Судя по тому, как он зарос травой, люди отсюда ушли давно. Еще с лета и заколоченные ставни свидетельствовали об этом лучше всяких слов.

– Где же все?– Викентьев стоял посреди двора и растерянно озирался по сторонам.

– Ушли еще летом. А может и еще раньше. Заросло все. Сестры-то твои что тоже все здесь жили?

– Нет, только младшая – Клавдия. Ольга с Натахой в Можайск перебрались. Наталья за мента замуж вышла. Сволочной мужик. Участковым работает. Он меня и сажал последний раз

по-родственному. Митяй – собака. А Ольга за железнодорожника выскочила. Хороший мужик. Свойский. Пади в армии щас.

– Ты вот что, Трофим Иванович, пробежись по деревне, может и жив кто из стариков. Ну а мы, с твоего разрешения, в доме твоём устроимся на ночлег. С утра в Можайск пробежимся. Давай. Автомат возьми. Мало ли кто тут бродит сейчас. Те же дезертиры. В момент без штанов оставят. А "сидор" оставь, – распорядился Михаил.

Рядовой Викентьев ушел по соседям, а Михаил с рядовым Котовым, прошли в дом, сбив с входных дверей, приколоченную на один гвоздь доску. Посветив фонарем в горнице, Михаил понял, что собирались хозяева отсюда в спешке, кем-то или чем-то подгоняемые. Оставлена была посуда и на кровати громоздились увязанные, но не взятые с собой узлы с тряпками.

– Спешили, – Кот проскрипел половицами разохшимися к окну и сдернул с него серую тряпку. Попробовал открыть створки оконные, но ставня не позволила заколоченная это сделать и он молча повернувшись, ушел во двор. Сорвал там доски и, вернувшись, удовлетворенно заметил: – Сумрачно, но без фонаря все видно. Выключайте, товарищ майор. Фонарь у вас конечно фартовый, но на долго его не хватит. Печь что ли протопить, пока Винт там старушек ищет? Вон и дрова есть.

– Топи, если замерз, – Михаил прошел к столу и провел по нему пальцем. Пыль накопилась в сантиметр толщиной, и он щелкнул пальцами, убирая ее из всего дома сразу. Возится с тряпками и водой не хотелось. Выскобленный ножом стол, зачернел в сумраке вечернем и Михаил присев на лавку, принялся выкладывать на него сухой паек.

– Я за водой, – сообщил ему Кот и выскочил с ведром из дома. Вернулся он через пять минут и принялся греметь чугунами, весело насвистывая что-то блатное. Печка русская не подвела и исправно начала согревать дом уже через полчаса, наполнив его уютом и запахом свежее выпеченного хлеба. Появившийся в дверном проеме рядовой Викентьев, молча прикрыл за собой дверь и, повесив на гвоздь у входа автомат, присел к столу.

– Нет никого, – догадался Котов. Викентьев кивнул и, поднявшись, обошел горницу. Подолгу останавливаясь у развешанных по стенам застекленных рамок с фотографиями. Одну из них он снял и опять подсев к столу, показал ее Михаилу.

– Все семейство здесь. Вот тот, что с мордой круглой – это я. Сестренки и батя с матерью, – всего фотокарточек застекленных было штук десять, но групповая была одна и Михаил вгляделся в лица. Простые, бесхитростные, русские. – Фотограф в Можайске фотографировал еще перед революцией. Мне тогда пятнадцать стукнуло. – Вспомнил Викентьев.

– Похож, почти не изменился, – Михаил улыбнулся, представив Винта мальчишкой.

– Скажете тоже, не изменился. Эх! Каб знать, где упасть...

– Ладно, Трофим Иванович, что ни делается – все к лучшему. Тебе еще повезло, руки, ноги целы и румянец во все щеки. А сейчас под Вязьмой сотни тысяч мужиков твоего возраста и пацаны совсем, в окружении немецком погибаются. Под бомбежками.

– Да я что, я с понятием, товарищ майор. Одно только не пойму, почему у нас все время так, через задницу. Живем, как не люди. Вон в европах, я слышал, чистота и порядок, а у нас одно свинство.

– Просторно потому что, – улыбнулся Михаил. – У них там теснота и природа не успевает за ними прибираться. А у нас, то замерзнет, то засохнет. А им завидно, поэтому прутся к нам и уму разуму учат, от работы отвлекают. Территория большая, пока соберемся, пока им холку намylim. Так у них там уже в Европе этой все деревья пронумерованы, попробуй спили, сразу посадят, а в Германии вообще к стенке поставят, даже если без билета в трамвае проедешь. Стучат опять же все друг на друга, как дятлы. Называют это законопослушностью. Ты бы там, Трофим Иванович неделю не выдержал, сбежал. Европа – это огромная зона с вертухаями. Сейчас конкретно – огромная казарма. Кичится своей ученостью и цивилизованностью, а нас

за варваров считает, которых и за людей-то считать не следует. Сидим тут и мешаем им жить. Жизненное пространство им не хотим отдать. Тесно им и завидно.

– А я слышал, кореша говорили на пересылке, что Фюрер ихний, только комиссаров и жидов к стенке ставит, а всем остальным при нем воля, – влез с репликой рядовой Котов.

– Параша полная, Семен Семеныч. Ты сам подумай хорошенько. Сколько у нас этих евреев? Процента два не больше. А комиссаров и того меньше. Стоило ли войну начинать из-за этого? Войны, рядовой Котов, всегда велись по экономическим причинам. Гитлер сейчас в Германию гонит эшелонами скот, барахло всякое и даже чернозем наш в мешки загружает и в Дойчланд отправляет. Ты на рожу Адольфа посмотри, – Михаил вынул из "сидора" цветную репродукцию с физиономией Рейхсканцлера, на которой он что-то орал, вытаращив бесцветные, рыбы глаза. – Ну, ты бы хотел с таким придурком в одной камере на ночь остаться? Да, ему пофиг мы. Ему пространство жизненное срочно понадобилось, а оно в основном нами и занято. Не евреями с комиссарами, а простым народом. Стало быть, его и душить станет, эта гнида. Ну, сначала, про комиссаров, лапшу на уши навешает. Как ни крути, а комиссары сейчас у власти. И пока мы станем их устранять, да допустим других правителей себе на шею организовывать, немцы столько отдербанят этого жизненного пространства, что хрен сосчитаешь. Так что, как ни крути, а нам сейчас с комиссарами по пути. Разберемся с Фюрером, тогда можно будет и ими заняться. Если желание будет такое. А пока фашисты в сто раз хуже любого комиссара. Ты, думаешь, при них вольготно станет уголовникам? Хрен вот. Говорю же, что в Германии Гитлер за безбилетный проезд расстреливает немцев. Немцев. А ты кто? Ты унтерменш – недочеловек по ихнему. Свинья, если точнее. Русиш швайне. С тобой и вовсе церемониться не станут. Петлю на шею и кердык.

– Да слышали мы это уже, – скривился Кот. – Политинформации, то, се. Зверствует мол Фюрер. А люди говорят, что жить можно. У меня кореш два раза через линию фронта мотался, до Варшавы и этого... Парижа добрался. Говорил, что ни штык живут.

– Что же он вернулся тогда целых два раза? Вербанутый явно был Абвером. А ты уши развесил. Ему там "ни штык" было и он решил вернуться к нам в свинарник, чтобы рассказать как там "ни штык"? Через линию фронта прополз, жизнью рискуя. Нашел тебя, похвастался, как ему там хорошо и обратно уполз. Ты что, Котяра, с мозгами совсем не дружишь? Напряги пару извилин. Ты бы на его месте стал бы туда-сюда таскаться? Садись рубать и в следующий раз, когда своего корешка встретишь, ставь смело к стенке. Тогда он тебе, может быть, правду выложит, за сколько подрядился галифе немцам лизать.

– Так что же за Ёську рябого, что ли воевать теперь? – Котов, полез в печь ухватом и вытащил из нее чугунок с вареной в мундире картошкой, которую разыскал в мешке стоящем в углу. Картошка была прошлогодней проросшая ростками, но еще крепкая, так что он отварил ее целый ведерный чугунок. Слив воду в ведро и высыпав ее на стол, Котов уселся рядом с молчащим Викентьевым и, вскрыв банку тушенки финкой, вывалил ее содержимое в чашку. Нарезав хлеб толстыми ломтями, он принялся намазывать их тушенкой как сливочным маслом.

– Не за Ёську, а за себя. Ёски приходят и уходят, а Родина остается. Сейчас Ёська у руля оказался и делает все, что может, чтобы сохранить территорию. Значит, нужно ему помогать. Вот и вся политинформация. Что тебе непонятно еще?

– Да чего там, товарищ майор, все понятно. А вот, к примеру, деньги наши и рыжье вы куда дели? – Котов сверкнул глазами и покосился на второй рюкзак, стоящий пока не распакованным.

– Думаешь, с собой таскаю? Ну, ты и валенок, Семен Семеныч. Сдал я ваши бабки и золото в комендатуру, держи акт приемки, – Михаил вынул лист бумаги и положил его перед Котовым на стол.

– Сдал? – не поверил Котов, впиваясь глазами в текст и печать под ним. – А свои?

– Какие свои? Это не мои были. Случайно оказались под рукой. Их тоже вернул в комендатуру. Вот расписка, – Михаил шваркнул еще одну бумажку на стол и Котов уставился в нее, машинально продолжая наваливать лезвием ножа тушенку на очередной ломоть хлеба.

– Ну, начальник. А как же мы тут без денег-то?

– А ты думал мы сюда, на пикник приехали? На хрена нам деньги здесь? Магазины стоят все с пустыми полками. Хрен купишь чего даже за рыжье твое.

– А хавать, что будем? – Котов уставился на упавший кусок мяса с хлеба и проколов его жалом финки, отправил в рот.

– Это не твоя проблема, Семен Семенович. Снабжение я беру на себя. Твое дело телячье. Выполний, что скажу, а через неделю свободен, как плевков в полете. Можешь даже в Смоленск сваливать на кладбище, если там еще твой клад кто-нибудь не нашел. Мне он, если честно, не особенно и интересен, – Михаил швырнул на стол лист бумаги с каракулями Котова. – На, получи обратно свой план.

– А фокус-покус? – Котов схватил листок и поспешно спрятал в карман гимнастерки, застегнув его на пуговицу. Руки у него заметно тряслись.

– Эх, Семен Семеныч. Что ты торопыга такой? Отслужи сперва, потом требуй. Мое слово верное, сказал, покажу, значит покажу. Рубай свои бутерброды, пока не протухли, – Михаил поднялся и вернулся к столу с закопченным чайником. – Ужинаем и отбой. Дежурите по очереди. Первые два часа после отбоя – рядовой Викентьев.

– Да на хрена? – попробовал возразить Котов.

– Разговорчики, товарищ красноармеец. Заснешь на посту если, то хрен тебе, а не фокус-покус. А мешок можешь проверит хоть прямо сейчас. Там ничего кроме продуктов нет. Услышу, что шуршишь среди ночи, не поленюсь, встану и шею намылю. Вопросы есть? Вопросы нет, – Михаил попил чаю, и улегся спать, не раздеваясь на кровать, предоставив часовым в распоряжение лежанку на печи. Ночью он проснулся от разговора, который вели шепотом Котов и Викентьев.

– Валить надо, Винт, пока начальник дрыхнет. В Смоленске у меня все схвачено. Хазы, то, се... Стволы есть, хавки два мешка. Дойдем. А там свое дело откроем. Хоть пивнуху. Немцы старые порядки возвращают. Мне кореш говорил. Коммерцию раскрутим. Верное дело. Со мной не пропадешь. А с майором, ни за понюшку ласты склеишь, зуб даю, – шипел Котов.

– Вали, если хочешь. Я остаюсь, – зашипел ему в ответ Винт. – Держать не стану. Мне нужно сестренку найти и батю с маманей. А как же фокус-покус?

– Да фуфло это все. Не верю я, что он так запросто покажет и станешь ты умельцем. Слыхал про гипнозеров? Это такие люди, которые могут чего угодно внушить. Я был на представлении один раз. Там мужик выступал. Числа угадывал. Ты, к примеру, загадаешь и у себя на ладони напишешь, а он угадывает. И еще он у меня из уха червонец вынул. А я что туда его дурак что ли совать? Вот и майор этот из таких, наверное. Показывал нам карты любые, а нам казалось что тузы. И двойку трефовую вообще откуда взял? Там ее и в колоде-то не было, – зашипел со свистом Кот.

– Ну и что? Пусть научит, значит, как глаза замыливать. Это еще и лучше, чем пальцами шустрить, – возразил ему Винт.

– Ну, как хочешь. Оставайся, коль дурак. Мне больше достанется. Просто привык я к тебе, а одному тоска, – Кот, шумно вздохнул и закурил папиросу. Громко закашлялся и буркнул. – Иди спать, лишенец, – Михаил улыбнулся в темноте и, щелкнув пальцами, повернулся спиной к "мазурикам", залязгав панцирной сеткой кровати. Винт с Котом сразу разбежались по разным углам. "Красноармеец" Викентьев полез, кряхтя, как старый дед на печь, а "красноармеец" Котов, собравшийся дезертировать на вторые сутки службы в Красной армии, присел к столу, уставившись в темное окно. Идти одному, в осеннюю ночь ему не хотелось, тем более, что с окрестностями здешними он был не знаком, а появляться в населенных пунктах и рас-

спрашивать дорогу на Смоленск не хотелось тоже. Он сидел и прикидывал, на сколько надежны у него "ксивы" выданные вчера майором и сможет ли он оторваться от него, если попрется в Можайск, чтобы уже оттуда свалить в сторону Смоленска, вдоль железнодорожного полотна.

Утром, чуть стало светать, Котов на цыпочках вышел из избы, не забыв прихватить полный "сидор" с провиантом.

Огородами он двинулся к околице, намереваясь вернуться к Минскому шоссе, так как пройти к Можайску лесом без провожатого не решился. На единственной улочке ему померещилось какое-то движение, и он решил не рисковать. Три километра до шоссе не то расстояние для взрослого, сильного мужика из-за которого следует огорчаться и Котов, затянув потуже ляжку вещмешка на груди, поправил автомат и крадучись двинулся в выбранном направлении, прячась за деревьями. Моросил дождь, но после теплой избы он воспринимался Котовым пока без раздражения и даже наоборот по его мнению был кстати. Бегать за ним по этой слякоти майор вряд ли станет, скорее всего плюнет. Главное – это не нарваться на него случайно в Можайске, но там Котов задерживаться не собирался ни одной лишней минуты.

– Мне бы только до вокзала добраться и приветы советам. Эх, заживу, – пробормотал он себе под нос, огибая очередную яблоньку, ломящуюся от небранного урожая. Котов не удержался и сорвал десяток яблок, рассовав их по карманам телогрейки. С хрустом впившись зубами в оставшееся в руке, он двинулся дальше, энергично шевеля челюстями. Удар по затылку сзади, не позволил ему завершить легкий завтрак на лоне природы. Огрызок вывалился из руки и его вдавил в траву, кованный, десантный, немецкий ботинок.

– Шнель, – услышал сквозь вату в ушах Котов и его обмякшее тело куда-то потащили, схватив за ноги. Урке, осторожному и битому жизнью, опять не повезло. Нарвался на немецкую разведгруппу, рыскающую в окрестностях Можайска вторые сутки, с задачей выявить количество и качество русских войск, задействованных советским командованием в обороне этого важного стратегического узла.

Очнулся рядовой Котов от пощечин, которые ему кто-то отвешивал с усердием солдафона, получившего команду от вышестоящего начальника. Из глаз "мазурика" летели искры и слезы, а из разбитого носа кровь.

– Хватит, иван очнулся. Вытри ему рыло тряпкой, – тихо, прозвучал командирский голос и оплеухи прекратились, тот час же. В лицо же горящее от пощечин, Котову сунули вонючую тряпку и он с облегчением принялся вытирать ей перепачканное лицо.

– Кто ты есть? – прозвучал первый вопрос, и Котов попробовал навести резкость, чтобы разглядеть сквозь слезную пелену задавшего вопрос. Разглядеть не смог и продолжил протирать глаза тряпкой, от которой они заслезились еще больше. Он полез было в карман телогрейки, чтобы достать из него носовой платок, выданный ему вчера вместе с остальным вещевым довольствием, но сделать это ему не позволили, грубо подняв за шиворот и поставив к бревенчатой стене лицом. Котов успел разглядеть пятнистый камуфляж, автоматы черные и каски затянутые сеткой. Всего немцев рядом было трое и один из них явно старший, потому что за шиворот Котова не хватал, а наоборот стоял, заложивши руки за спину. На шее у него висел полевой бинокль в чехле и взгляд был холодный, немигающий. Помещение, в которое притащили оглушенного Котова, являлось скорее всего чьим-то амбаром и полумрак его наполнявший, пах плесенью и коровьим навозом.

– Красноармеец Котов Семен Семенович, в/ч 48416, – прочитал все тот же голос данные из красноармейской книжки.

– Зачем ты здесь, Котов? Кто послал? Почему один? Кто есть твой комиссар? – немец говорил вполне понятно и Котов, проглотив ком в горле, ответил:

– Я есть тут в увольнении. Их бин, герр начальник, – кроме "их бин и герр" другие слова немецкие в голову Котову не приходили, хотя он несколько лет учил этот язык в школе.

– Ты есть плохой солдат, Котов. Кто дал тебе увольнение? Сколько для этого ты убил немецких солдат?– в голосе допрашивающего появилась истерическая нотка, ничего хорошего не предвещающая и Котов решил говорить правду, чтобы не злить немца.

– Я из Москвы вчера сюда приехал с корешем и офицером. Только я не хочу воевать, герр начальник, вот у меня и листовка-пропуск ваша есть. На дороге поднял. Тут написано "Сдавайтесь" и Великая Германия даст землю и работу. Арбайтен, герр начальник. Я есть коммерсант,– Котов изловчился и выдернул из кармана гимнастерки листовку, сунув ее через плечо офицеру. Немец листовку взял и долго ее изучал, подсвечивая карманным фонарем.

– Что есть кладбище?– наконец спросил он и Котова прошиб холодный пот, вместо листовки он сунул немцу план Смоленского погоста с прикопанными в могиле ценностями.

– Герр начальник, это не та бумага, вот ваша листовка-пропуск,– Котов попытался исправить оплошность, но было поздно, немец попался дотошный и каракули его изучал со всем прилежанием.

– Могила купца первой гильдии Васильева Федота Евстигнеевича, один метр, правый ближний угол ограды, если встать к надписи лицом. Что это означает?

– Это мой родственник, герр начальник, он похоронен на кладбище, здесь в Можайске и моя мутер, оставила под оградкой мне письмецо. Это я записал, чтобы не забыть. Мы с ней так переписываемся. Большевики папаню в Сибирь сослали, канал рыть, а я убежал,– наплел с перепугу Котов, вполне убедительно.

– Ты есть коммерсант и твой родственник купец? Почему тогда ты воюешь против Великой Германии?– немец не спешил возвращать план нарисованный Котовым, продолжая его изучать.

– Я не воевал, герр начальник. Я в плен хочу сдаться. А автомат мне выдали. Отказаться было нельзя,– Котов стоял уперевшись лбом в бревно и потел от страха.

– Ты есть лжец. Врун,– немец развернул Котова к себе лицом и сунул ему в подсохший нос ствол Вальтера.– Говори правду, свинья, или мы будем тебя резать на ремень.

– Я не вру, герр начальник...– начал Котов и тут же получил зубодробильный тычок кулаком в челюсть. Немец ударил почти без замаха, но на пальцы у него был натянут кастет и челюсть у Котова выскочила от удара, перекосив лицо. Урка попытался заорать, но получил удар под дых и, согнувшись, защелкал вывихнутой челюстью. Однако немец в своем ремесле дознавателя был парень-дока и следующим ударом слева, вернул челюсть на место. Она, правда, при этом треснула слегка в нескольких местах, а дышать Котов вообще перестал, так как гортань ему забило кровью и слюной.

– Ты есть врунишка и лгунишка,– ласково произнес немец, схватив Котова за ухо и потянув его голову вверх. Ухо затрещало, пытаясь вывернуть из скальпа корни и новая боль, перебив предыдущие, приподняла Котова на цыпочки. Ударом в промежность, немец закончил первый раунд допросный и Котов упал ему под ноги, вертясь ящерицей и схватившись руками за причинные места. Опрокинутое ему на голову ведро холодной воды, помогло справиться со стрессом и он отполз к стене, скрючившись и затравленно оглядываясь.

– Курт, неси веревку, будем вешать эту свинью,– распорядился между тем немец. Отдав команду на русском.

Курт браво дернулся и вернулся через минуту с мотком веревки. Без дополнительных команд он соорудил на одном ее конце петлю и, прицелившись, ловко перебросил второй через стропилину, почти над головой Котова. Петлю Курт набросил ему на шею и, затянув до упора, оглянулся на офицера.

– Ну, – офицер подошел к Котову, стоящему на коленях. Будешь говорить правду, свинья?– Котов поспешно закивал, поняв, что ценности спрятанные на кладбище в Смоленске, скорее всего в ближайшее время ему могут не понадобиться. Вообще могут больше никогда не понадобиться. А вот жизнь спасти могут, если как следует подать информацию.

– Герр, нашальник,– прошамкал он разбитыми губами, еле ворочая сломанной челюстью.– Это план клада. Там зарыто золото. Много. Килограммов пять. Кольца, браслеты, сережки, брошки. Это правда, герр нашальник. Я – вор. Украл золото у комиссаров-большевиков. Хотел стать при вашей власти коммерсантом.

– Опять лжешь,– немец потянул за веревку, поднимая Котова на ноги.– Где?– сунул он лист бумаги в лицо "мазурику" и тот понял, что если скажет правду, то его повесят /если повесят/, а если соврет, то повесят за то, что соврал.

Немец впился в его глаза, немигающим взглядом и Котов прошамкал:

– Это было спрятано на Смоленском городском кладбище, но мой кореш мешаяц назад вше от туда жабрал и ждет меня каждый вторник на вокзале с 10-ти до 11-ти. Герр нашальник, я отдам вам золото, мою долю, не нужно меня вешать,– немец презрительно скривился и кивнул Курту.– Свяжи эту свинью и заткни ему портянку в рот. Проверим, что там за кореш его ждет в Смоленске на вокзале,– Курт, не снимая петли с шеи Котова, этой же веревкой, скрутил ему руки за спиной, связав их так, что тот зашипел от боли в перетянутых кистях.

– Где тот офицер, с которым ты прибыл из Москвы?– спросил немец, наблюдая, как Курт вяжет ему руки.

– Он ушел в Можайшк,– соврал Котов, которому почему-то не захотелось сдавать майора с Винтом.– Меня оштавил здесь, шказал, чтобы ждал. Завтра обещал быть,– Котов приготовился получить очередную взбучку, но немец презрительно усмехнулся и опять кивнул Курту. Тот, похоже, научился понимать своего командира без слов, потому что тут же подтянул Котова слегка вверх и зафиксировал с вывернутыми руками, привязав перекинутый через стропилину конец к посиневшим его кистям. В рот он старательно запихал Котову грязную, вонючую тряпку и тот засопел, едва дыша забитым кровью носом.

– Постой, подумай, красноармеец Котов,– разрешил немец.– А мы пойдем, поговорим с твоим командиром. Может он более подробно расскажет про клад на Смоленском кладбище,– Котов замычал протестующе и, получив удар по ушам ладонями, свесил бритую голову, потеряв сознание.

– Полегче, Курт. Эта свинья может нам пригодиться. У меня в штабе друг и я смогу выпросить у него недельку, чтобы съездить по какому-нибудь делу в Смоленск. Этот русский конечно врет, но что-то же он спрятал в этой могиле на глубину в метр. Письмо от матери так глубоко не закапывают. Вынь кляп, чтобы не сдох раньше времени,– распорядился офицер.

– Яволь, герр обер-лейтенант,– Курт вытащил изо рта Котова портянку и прислушался.– Дышит.

– Карауль. А мы за офицером, что-то он долго спит. Уже давно рассвело. Эти русские любят поспать, поэтому и живут, как свиньи. Я долго жил в России, Курт. Мой отец работал у них на заводе по контракту. Пять лет. Учился в ихней школе. Отвратительные порядки, мерзкие условия жизни. Грязь и скотство. Такому народу, такого правителя как Сталин, в самый раз. Они его достойны,– обер-лейтенант Махер Гейнц – кавалер двух железных крестов, был что называется "разведчиком от Бога" и кресты получил, не сидя на заднице в штабе, а ползая на брюхе под пулями. Второй день он сидел на этом брошенном местными жителями хуторе в ожидании, связанного с оперативными материалами, которые агент собирал для них, находясь в непосредственном контакте с железнодорожным начальством. У агента к сожалению не было радиостанции и более того пользоваться он ей отказывался, мотивируя отказ тем, что не разбирается в радиотехнике. Этот русский, завербованный в самом начале войны и списанный в запас по состоянию здоровья, был очень ценным агентом и оперативный псевдоним у него был – "Бес". Бес пролезал везде и его никто не прогонял, потому что передвигался он на тележке с колесиками из подшипников, а отсутствие ног, позволяло ему "войти" куда угодно. От агента должен был появиться посыльный, но что-то задерживался и обер-лейтенант Махер немного нервничал. А когда вчера, вместо связанного появилась группа из трех русских, то занервничал

еще больше, предположив самое плохое. Избенку, в которую русские вселились, само собой взяли под наблюдение, а когда ранним утром один из них попытался уйти скрытно, огородами, его Махер приказал взять. Взяли чисто, но ясности пока не прибавилось. Котов явно что-то недоговаривал. Махер это чувствовал интуитивно, но времени на "вдумчивый" допрос у него не было. Всего здесь на хуторе с обер-лейтенантом находилось десять его парней и нейтрализовать оставшихся двух русских для них было делом минутным, но... Махер опасался, что провалит своими неосторожными телодвижениями отлично отлаженный канал и поэтому не спешил отдавать приказ.

Затаившись вокруг избенки, разведчики выжидали, ведя наблюдение. Русские не спешили покидать теплую хату. Из печной трубы стелился дым по крыше и дым этот, прибитый к земле морозящим дождем, пах кофе и мясом.

– Жрут. В тепле, – пробормотал обер-лейтенант и ему ни с того, ни с сего вдруг стало обидно. Он – боевой офицер, сидит как жаба, зарывшись в грядку, в промокшем камуфляже, а русские свиньи сидят в сухой избе и пьют кофе.

Мысль эта, такая ясная, промелькнула в его голове, ставя все на свои места. Неправильность – обнаруженную так просто, нужно было немедленно устранить и Махер, подняв руку, жестами на пальцах, распределил людей.

Разведчики, мелькнули пестрыми тенями у стен избы и двое из них совершенно бесшумно проникли в двери. Махер самодовольно улыбнулся – его школа. Бойцы у него были подобраны и обучены, как следует. Не даром их называют в роте "Призраками". Открыв без скрипа, скрипучую дверь и скользнув вдоль стен, "призраки" исчезли из поля зрения, а Махер взглянул на стрелки часов.

– Две минуты максимум, – пробормотал он и переместился ближе к крыльцу. Семеро оставшихся бойцов, внимательно следили за периметром и окнами избенки. В которой было по прежнему тихо. Тишина эта была ненормальной, потому что прошло уже не две минуты отпущенные Гейнцем, на нейтрализацию русских, а пять. Из приоткрытой двери по-прежнему несло свежим кофе и два проникших в нее разведчика выходить не торопились. Обер-лейтенант махнул рукой нетерпеливо и очередная пара "призраков" скользнула в дом, чтобы помочь, если что, первой. Эти вошли так же бесшумно и так же пропали. Тишина в избенке уже не казалась Махеру обыкновенной, она стала зловещей. А ситуация возникшая абсолютно идиотской. Люди заходили в дом к русским и просто не выходили обратно. Послышавшийся за окнами смех, буквально подбросил обер-лейтенанта на ноги и он, забыв о всякой осторожности, махнул рукой бойцам, приказав двоим остаться, а остальным следовать за ним. Смеялся один из его подчиненных и Гейнц, узнав голос унтера Фрица Лемке, буквально закипел от ярости. Его "призраки", похоже, нейтрализовали русских и примитивно занялись мародерством, пока он как кретин сидел под забитыми досками окнами и ждал пока они соизволят порыться, как следует, в карманах у пленных.

– Идиоты. Ослы! – шипел обер-лейтенант, взбираясь на крыльцо и прислушиваясь. – Так и есть, шуруют в закромах, – Махер резко распахнул дверь, прошел через сенцы в три шага и ввалился в горницу, скалясь волком.

Четверо его бойцов, сидели за столом и пили кофе. А на его появление отреагировали, так будто вошел не их отец-командир, а очередной посетитель кофейни, т.е. не обратили внимания совершенно. Глянули мельком и продолжили сосать кофе из кружек, запивая им ломти хлеба, чем-то намазанные. В горнице было довольно светло, так как русские приспособили для освещения ее электрический фонарь, подвесив его к потолку. Было их двое, как и предполагалось. Один в звании майора НКВД, а второй рядовой красноармеец – пехотинец.

– Встать. Смирно! – заорал Махер, теряя самообладание и передергивая затвор автомата.

– Ну вот, – послышался разочарованный голос русского майора. – Так хорошо сидели. Приперся, разорался. Ты что, обер-лейтенант, не с той ноги встал? – реплика эта прозвучала

вполне спокойно, если не учитывать интонацию, и его "призракам" она показалась просто верхом остроумия, потому что все четверо буквально покатались со смеху, схватившись за животы. Наверное обер-лейтенант действительно выглядел идиотом, с выглядывающими из-за его плеч четырьмя бойцами, с раздувающимися ноздрями, принимающих к запахам.

– Встать, свиньи!!!– завизжал обер-лейтенант, пришедший от смеха бойцов в бешенство. Но те продолжали спокойно сидеть на лавке, а встал русский майор и рявкнул в ответ так, что в глазах у Махера потемнело.

– Выбирай выражения, мудака. Здесь люди, а не свиньи. Убери автомат, пока не получил по наглому, рыжей морде.

Перемирие у нас. Не видишь что ли? Садись, кофейку попей и прекрати реветь, как медведь ранней весной,– майор шагнул к обер-лейтенанту и отобрал у него автомат, швырнул его в угол.

– Проходи, садись. И вы, парни, тоже. Кофе пока горячий и хлеб с маслом свежий,– и тут до обер-лейтенанта дошло, что за запах стоял в избе. Пахло свежесдобленным хлебом.

– Так бы сразу и сказал, майор,– проворчал он, мгновенно успокаиваясь, искомандовал, повернувшись к четверке его сопровождавшей.– Зовите остальных. Раз такое дело. Кофе свежий, со свежим хлебом – это святое. Быстро!

– Яволь,– весело отозвались хором "призраки", в глазах которых авторитет командира снова поднялся. Ввалившиеся оставшиеся бойцы, быстро оценили сложившуюся ситуацию и без церемоний расселись вокруг стола, который пришлось вытащить на середину горницы.

Глава 5

Если вы хотите, чтобы люди нашли общий язык, усадите их за один стол и даже непримиримые враги, иначе взглянут друг на друга. Чревоугодие, конечно же, грех, но сугубый – способный отвлечь от греха более страшного – убийства. Всякому действию – свое время. Как сказал Екклесиаст – имея в виду рационализм человеческий, – "Время собирать и время разбрасывать, время для мира и время для войны...". И перемешивать одно с другим у людей не принято с допотопных времен. А когда это происходит, то такие мерзкие исключения из правил, долго потом вспоминают в сагах и былинах или в средствах массовой информации, клеймя позором нарушителей. И примеров таких, когда кто-то взял да и нарушил никем не писанные правила настолько мало, что, пожалуй, вот так сразу и не припомнить, загибая пальцы, как это делают русские или разгибая при подсчете, как это принято у немцев.

Советские СМИ, а следом за ними и Российские, клеймят фашистскую Германию, которая напала на СССР именно вот так, нарушив эти правила, подмеченные Екклесиастом-проповедником. Войну не объявила и напала ночью воскресной. Немцам нынешним очень трудно именно от этого факта отмахнуться. Ну, просто и сказать нечего. Полными козлами выглядят в глазах мировой общественности. Если бы они напали в пятницу во время обеда, то выглядели бы тоже не лучше. Нападают приличные люди после обеда, час, два спустя. Или после завтрака. Предупредив противника, как это делали канонизированные церковью русские князья, – "Иду", мол, "На Вы". То, что потом тысячи городов было сожжено и миллионы людей убито – это как раз дело уже обыкновенное, так как началось "время войны", но вот начало этого времени т.е. переход от "собирания" к "разбрасыванию" должен быть обставлен подобающим образом и Германия, не оформив его как положено, выглядела эдаким разбойником с большой дороги, напавшим на путников, мирно дремавших у ночного костерка. Соответственное и отношение к ней всего Мира. Гитлер, через свое Министерство пропаганды попытался оправдаться, заявив, что нанес превентивный удар, так как точно узнал о намерениях Сталина напасть на него. Документы опубликовал, уличающие Иосифа Виссарионовича. На что получил реплику ироничную Рузвельта – Президента США, всю эту возню пропагандистскую сведшую к нулю. – "Этот господин ведет себя, как гангстер, который заявляет на суде, что поджог дом, только по тому, что в нем, по его мнению, живут плохие люди", – и чем больше доказательств "гангстер-Гитлер" потом на этом "суде" представлял, тем выглядел хуже. По правилам, опять же, не писанным, чтобы гангстером не выглядеть, следует "путников у костерка" вежливо разбудить, позволить им привести себя в порядок, оправиться, перекусить им позволить, а уж потом ударить дубинкой по голове. Вот поэтому и нынешний последователь Гитлера – Президент Грузии Саакашвили выглядит так же в глазах Мировой общественности. Напал, не предупредив. Козел. Иосиф Виссарионович, на том свете, наверняка со стыда сгорал за своего земляка. В отличие от него, он правила Екклесиаста всегда соблюдал и прежде чем хряпнуть кого-то по голове, долго и тщательно готовился, просчитывая реакцию зрителя – Мировой Общественности. Говорят, что в молодости, будучи Кобой, Сталин занимался разбоями, устраивая "экссы" и выгребая из казначейства Российской империи средства для партийной кассы большевиков, но свидетелей не оставлял, а это говорит о многом. Т.е. уже тогда он – Коба понимал, что правила неписанные нарушать-то можно, но делать это нужно так, чтобы никто не смог в этом уличить. Нет человека – нет и информации о нарушении принятых всеми морально-этических норм. Гитлер в молодости такую школу не прошел, а получил вместо науки несколько контузий, ранений и отравление боевым газом. Удивительно ли, что после этого стал несколько неуравновешен и путал "времена"?

У обер-лейтенанта Махера был значок черный, свидетельствующий о полученных легких ранениях, но голова при этом ни разу не пострадала, поэтому он мгновенно понял, что

в избенке сейчас "время мира", нарушать которое, вот так ворвавшись, неприлично, поэтому и присел к столу. Распорядился даже сбегать за Куртом и тот появился, ведя на веревке, как теленка, Котова. Вид у "языка" был мало сказать неопрятный – ужасный. Лицо опухло от прямых попаданий, так что глаза не видели, куда его тащат. А Курт, по простоте душевной, получив команду, объяснять ему конечный пункт следования не стал. Тем более, что по-русски понимал всего пару фраз, почерпнутых из солдатского разговорника. Затаскив пленного в дом, он тут же о нем забыл, присев к столу. И Котов топтался, со связанными за спиной руками, пытаюсь разглядеть сквозь заплывшие в щелки веки, где он оказался. Немцы дружно жевали, гремели кружками и делились впечатлениями на родном языке, так что Котов понял только одно, что из сарая, где их было трое, он попал в сарай, где их гораздо больше. Разумеется, что это обстоятельство его радовать не могло и он пригорюнился, пытаюсь понять, что у него сейчас болит больше – челюсть треснувшая, уши чуть не вырванные или руки стянутые так, что, в общем-то, он их уже не ощущал последние пять минут совершенно, – "Челюсть", – вынужден был признать Котов, попробовав языком шатающиеся, уцелевшие зубы. Всего час назад их у него было, как положено, полон рот, а сейчас это количество резко уменьшилось. И факт этот добавлял ложку дегтя в бочку того дерьма, которое вывалилось вдруг ему на голову, – "За что?", – думал Котов, опустив голову, – "Почему у других вся жизнь сахарная, а у меня исключительно дерьмом перепачканная?", – вопросы эти он задавал, не надеясь получить на них ответы и очень удивился, услышав знакомый голос майора:

– Не за что, Котяра, а потому что. Потому что ты сам выбираешь. Перед тобой жизнь раскладывает карты, причем картинками вверх, а ты тянешь шестерки. Дурак, значит. Вот жизнь и учит. Ну как, понравился тебе "новый порядок"? – Котов, в ответ сопел, пуская кровавые пузыри и не спешил отвечать, лихорадочно пытаюсь понять, каким образом все, кого он сейчас меньше всего хотел бы встретить в этой жизни, оказались под одной крышей. А майор подошел к нему и, освободив руки от веревки, щелкнул перед опухшим в сливу носом пальцами. Глаза у Котова разлепились, и он схватился за лицо руками, вытирая рукавом мокрого ватника рот. Картина мирного застолья, представшая перед его глазами, настолько потрясла, что он даже не обратил внимания, что кисти рук не болят вообще, а челюсть перестала пульсировать электро-разрядами. Десяток немецких солдат, сидел на лавках и завтракал. И его кореш – Винт сидел вместе с ними, правда, напрягшись, но выглядел вполне прилично. Его явно ни кто пока не допрашивал и связан он не был. Майор тот вообще разгуливал по избе, будто не немцев тут было одиннадцать рыл, а наоборот.

– Позавтракаешь или в Смоленск все же пойдешь? – спросил его майор. – Там немцев гора-а-а-здо больше. Ждут, не дождутся, когда появишься и пивную для них откроешь. Вот – герр обер-лейтенант Махер первым придет с Куртом.

– О-о-о! – откликнулся обер-лейтенант, услышав свой позывной. – Мы любим пиво. Хорошее пиво со свиной сосиской, что еще нужно солдату? За плохое повесим, за хорошее скажем "данкешон".

– Слышал, Кот? Данке немецкое – это круче денег. Ну, иди. Сейчас ты свободен в выборе. Жизнь снова перед тобой колоду выложила. Тащи. Разрешаю взять рюкзачок с продуктами. На подножном корме долго не протянешь. Правда, тайничок кладбищенский ты немчуре сдал, но вдруг пешком и лесом успеешь быстрее, чем они по дороге на попутных грузовиках. Вдруг пофартит тебе, а им нет. Снарядом их может шальным накрыть или из леса кто-то обстреляет с перепугу. Судьба военная непредсказуема, Кот. Вали уже. Надоел ты мне своей бритой тыквой, – майор сунул ему в руки "сидор" и выпроводил из хаты. Оказавшись на крыльце, под морозящим дождем в мокром и без того обмундировании, Котов ошалело затряс головой, озираясь по сторонам. Идти в Смоленск теперь смысла он не видел. Немцы, разумеется, его опередят, да еще и встретят там на кладбище, если он как идиот туда сунется. В могилку этого купца – "родственника" и закопают. Котов представил целый город, забитый немцами и ему стало

совсем тоскливо. Открывать пивную, в которую будут ходить вот такие Курты и за качество напитка в лучшем случае, говорить "данке", да пропади она пропадом, такая коммерция, – "И куда?", – Котов топтался на крыльце, не решаясь идти, хотя ему хотелось не просто уйти отсюда, а убежать, – "А майор-то, точно гипнозер, поэтому и немчура его слушается", – пришла ему в голову первая здравая мысль, – "Эх, каб знать! А ведь он предлагал выбрать, а потом выставил, не дав выбрать. Имею право вернуться", – мысли суетились в бритой черепашке Котова, сталкиваясь, обгоняя друг дружку, но к выводу приводя однозначному, – "Вернусь. Пусть хоть расстреляет, зато в тепле. А тащится по болотам в Смоленск – это самоубийство. Не дойду. А в Москву вернуться, тоже хрен получится. Это с майором все запросто, а одного в момент повяжут, не те так эти. Ксива у немца. Куда без нее?", – Котов повернулся и поплелся в избу. На его появление немцы вообще никак не отреагировали. Они заняты были дегустацией русского пива, которого целый бочонок им выставил майор, назвав "брагой".

– О! Гут!– немцы суетились вокруг бочки, разливая брагу в котелки.

– Чего забыл, Котяра?– спросил его майор.

– Я... это... того самого... как его... – начал Котов, морщась от запахов. Немцы в одиннадцать глоток так накурили, что даже ему курящему стало после свежего воздуха дурно.

– Выбрать решил шестеру другой масти? Ты ведь других не видишь все равно. Думаешь за моей спиной отсидеться? Не выйдет, Котяра. Я всего неделю с вами буду, а всю оставшуюся жизнь тебе самому придется как-то прожить. Долго ли? Вот вопрос. Не приспособлен ты к ней оказался. Никому не нужен.

– А я виноват, что все так вышло у меня?– не выдержал Котов.– Я что ли немцев сюда позвал? Сами пришли. А коммунистов, я что ли до власти допустил?

– А где ты был, когда они приперлись со своим коммунизмом и царя-батюшку расстреляли? Сидел за печкой, как таракан? И сейчас отсидеться хочешь? Виноват, не виноват, а отсидеться не получится. Для того и власть, хоть от коммунистов, хоть от фашистов, чтобы из-за печек всех вытащить. Только коммунисты понятнее, а фашисты бесцеремоннее. Выбирай? Больше сегодня не из чего.

– А вы? Вон как! И немчуру разводите и коммунистов. Это как?

– У меня шире выбор, Котяра, тут ты прав. Но это тебя не касается. Каждый за себя отвечает, там, где он есть.

– А почему, вам шире?– Котов засопел обиженно.

– Жлобства потому что меньше, наверное. А у тебя ограничено именно из-за него. Да и то, я ведь с тобой почему разговариваю, а не гоню сразу в шею? Не стал ты нас сдавать немцам, значит не совсем еще сволочь. Решил остаться, оставайся, слова худого не услышишь, будто и не уходил вовсе. А сейчас сядь и засохни. Все что я хотел, уже сказал. Теперь думай. Пока ты выбрал между мной и Махером. А попался бы тебе "махер" не такой сволочной, как этот и ты бы сдал нас с Винтом, не задумываясь.

– Винта бы не сдал ни кому,– возразил майору Кот.

– Верю почти,– не стал тот с ним спорить.– Садись, красноармеец Котов, завтракай. Брагу пить не разрешаю. Нам через час выходить. Обер-лейтенант, верните рядовому документы.

– Вы его не расстреляете?– удивился Махер.– Он же изменник?

– Нет, не расстреляем. В плен он попал без сознания,– ответил майор.

– У него "листочка-пропуск" и шел он, по его словам, в Смоленск,– обер-лейтенант от возмущения, даже брагу пить перестал.

– Все это слова, обер-лейтенант. Ваши, против его. А листовки наши бойцы собирают потому что бумага, на которой их печатают, на самокрутки хороша. Если каждого расстреливать, у кого она есть, то воевать с вами некому станет. А нам еще нужно страну от вас очистить и потом Берлин взять. С кем это делать?

– Берлин?– обер-лейтенант, открыв рот, уставился на русского майора, который парень, судя по всему, свойский – военная косточка, но нес сейчас полный бред, находясь в ста километрах от Москвы, которую максимум через неделю Вермахт оккупирует и конец тогда войне. Сталин, как миленький подпишет все, что ему предложит Фюрер и уползет за Урал. А там пусть воюет с японцами хоть сто лет.

– Берлин, обер-лейтенант. Ты же в России пять лет прожил. По-русски, без акцента почти чешешь, а понять не можешь одной простой истины.

– Какой?– вытаращился еще больше Махер.

– Россия – это не страна. Это Россия. Здесь медленно запрягают, а ездят быстро. У всей Европы не хватит ресурсов, чтобы контролировать эту территорию. Человеческих. А вы еще и настроили против себя почти весь мир. А по Урал не получится мир заключить и в Москве с вами никто мирный договор подписывать не собирается. Получите уличные бои, в которых увязнете всем Вермахтом. У вас сейчас силенок, только доколдыбать до нее. А вы ее взять хотите сходу. Не получится. Сейчас из Сибири подтянет Сталин свежие дивизии и вмажет вам так, еще в этом году, что опомнитесь только к весне. Так что, привет Берлину.

– Поживем – увидим,– буркнул обер-лейтенант, чувствуя, что возразить ему майору нечего. Он сам удивлялся уже давно, увидев трофейную, русскую технику, о такой немцам пока приходилось только мечтать. Да если бы у Вермахта были такие танки и в таких количествах, то война закончилась бы уже давным давно. А это оказывается русские "запрягают" пока. Что же будет, когда "запрягут"? Обер-лейтенант вздрогнул и чтобы не думать, залил тревожные мысли русским пивом. Мутным, сладковатым на вкус, но в мозг бьющим сразу. Красноармейскую книжку он Котову сунул, не глядя, скривившись презрительно.

– Держи. Мне было бы стыдно, если бы немец вел себя так, как ты,– процедил он сквозь зубы.– Твое счастье, что перемирие сейчас. Но не попадайся мне еще раз. Прикажу повесить сразу.

– Вот и поэтому вы тоже войну проиграете, обер-лейтенант. Русского человека виселицами не вразумить и не покорить. Озlobите. Это у вас получится. Деды столетние за оружие возьмутся. Пищали, с наполеоновских времен хранящиеся, откапывают и начнут стрелять вам в спины. Зря вы сюда вообще приперлись. Накостыляют вам так, что лет на сто угомонитесь.

– Немцы никогда не угомонятся. Германия всегда будет одной из первых держав в мире,– обер-лейтенант отставил в сторону кружку с русским пойлом и упрямо сверкнул глазами.– Один раз мы уже поднялись, возродившись из пепла. И снова поднимемся, даже если проиграем эту войну. И будет снова реванш.

– Это беспредметный спор, обер-лейтенант. Мне вас переубеждать нет желания. Германия войну проиграет – это для меня ясно, а вот "реванш"... Не будет реванша. Военного. Да и экономического тоже. Потому что и Германии как таковой не станет. Германия станет провинцией в Объединенной Европе – Евросоюзе. Со столицей в Брюсселе. Будет Европарламент. Объединенные штаты Европы, Махер. А Президентом этих штатов станет отнюдь не немец. Кто угодно может стать. Даже еврей, которых вы сейчас так не любите.

– Еврей – Президентом в Европе? А Германия – провинция? Бред. Этого не будет никогда. Скорее уж я поверю, что в США, Ку Клукс Клан выберет Президентом негра, чем немец выберет еврея Президентом.

– Так и будет. В США – негра выберут Президентом, а немцев никто и спрашивать не станет. Sheepless – слышали такое выражение? Верно – "мнение овец" и ни кого оно не интересует. Вы все бараны, которых гонят на бойню.

– Кто гонит?– Махер сжал кулаки.

– Империалисты, конечно, если говорить языком красной пропаганды. Но настоящие "хозяева" всегда за кулисами. А мы видим только их марионеток – Гитлера, Сталина и т.д. Им дают определенную волю, пока они двигают свои народы в нужном направлении, на бойню.

Как только движение прекращается, их убирают и ставят новых марионеток, которые опять возобновляют прерванный процесс.

– Зачем им это?– Махер замер в ожидании ответа.

– Хороший вопрос. А ответ простой. Чтобы сократить поголовье. Слишком плодятся люди. Ресурсов на всех не хватает. Меньше народу – больше кислороду, обер-лейтенант. Ваш Фюрер с блеском сыграет свою роль. Европу миллионов на пятьдесят зачистит. В руинах будет лежать. В долги влезет. К кому, как ты думаешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.